

ЛИСИЦЯ Й ОСЕЛЬ.

»Відкіль бредешъ ти, голово лиха?«

Лисиця такъ мовля Ослові.

— Дивівся, якъ тамъ Левъ здохъ,

Ажъ генъ, у тій діброві! —

Піді, паньмátko, подивись, —

Ті жъ зналася изъ нимъ колись...

И! щó тепѣра зъ нимъ зробилось!

Дѣ въ б́са й с́ла та́я ділась!..

Ат́о, бу́ло, якъ гуконѣ, —

Не вт́мишъ зъ-ля́ку, дѣ б́ схов́вся!

Такѣ бу́ло те п́гало стра́ннѣ!

Мабу́ть, ё́го ввесь свѣ́тъ бо́явся...

Тепѣ́рь ле́жить, нен́аче пенъ,

И н́чъ, и де́нь...

Н́хт́о ё́го вже не бо́їтця,

Уся́къ беспѣ́шно йде див́итьця;

Хт́о сх́оче — до́бре скубо́нѣ

За вра́жий чубъ ё́го зуб́ами,

А хт́о — підъ бо́ки стусонѣ

Чи др́юкомъ, чи ро́гамъ.« —

»А ти, ві́стимо, не посмі́въ?!«

Ё́му підсмі́юе лиси́ця.

— Оце́-та́кий! чо́го жъ див́итьця?

И я ё́го разъ захмилі́въ.

Неха́й и на́шихъ зна́е!«

А й въ лю́діхъ та́кички бу́вае...

Чи то́ вже свѣ́тъ тепѣ́рь та́кий!..

По́ки ти чимъ ко́му стра́шний,

Уся́къ тебѣ́ и поважа́е,

А т́лько якъ-небу́дь спі́ткні́сь, —

Див́ись —

Хт́о й почита́въ, то ла́е...

А. Глѣбовъ

ПО ПОВОДУ АКТОВЪ ОТНОСЯЩИХСЯ ДО ЮГО- ЗАПАДНОЙ РУСИ.

Международныя отношенія составляютъ одинъ изъ главнѣйшихъ вопросовъ, особенно привлекающихъ, въ настоящее время, вниманіе Европы. У насъ тоже есть вопросъ, который настоятельно требуетъ уясненія: это—давнее политическое и народное отношеніе Польши и Руси со времени соединенія ихъ въ одну Рѣчь Посполитую. Истина, открытая и доказанная, равно убѣдительная для всякаго, кто, принадлежа къ особой націи, способенъ ради правды, отказаться отъ предвзятой теоріи относительно чужой національности, — только такая истина можетъ прекратить безплодные литературно-историческіе споры, устранить заносчивые планы и обратить на прямой путь безпристрастнаго изученія и уваженія всѣхъ народностей.

Кіевская Коммиссія, обладающая громаднымъ запасомъ актовъ, относящихся до Юго-западной Руси, издавна оказываетъ великую услугу внутренней и внѣшней исторіи этого края.—Новымъ своимъ изданіемъ (II томъ *«Архива Юго-западной Россіи»*) она блистательно содѣйствуетъ къ несомнѣнному разрѣшенію упомянутаго вопроса, издавна затмѣваемого, преимущественно за границею, то невѣдніемъ, то преднамѣреннымъ извращеніемъ фактовъ.

Благодаря благосклонному согласію авторовъ, мы, съ признаніемъ всей важности вопроса о давнихъ отношеніяхъ Польши и Руси, переносимъ на страницы *«Основы»* двѣ превосходныя статьи Предсѣдателя Коммиссіи, М. В. Юзefовича, и дѣятельнѣйшаго Члена ея, Н. Д. Иванішева, недавно помѣщенные въ *«Архивъ»*, который къ сожалѣнію, такъ мало еще оцѣненъ и распространенъ въ нашей публикѣ. Вопросъ, разъясняемый Н. Д. Иванішевымъ и М. В. Юзefовичемъ до очевидности, не разъ возбуждался и у насъ, и въ польской литературѣ, и за границею, но, обыкновенно, споръ оканчивался тѣмъ, что противники, не прійдя къ окончательному рѣшенію, расходились въ разныя стороны, обвиняя другъ друга въ пристрастіи, въ ненависти, въ непониманіи исторіи, а нѣкоторые даже заподозрѣ-

вали честныхъ дѣателей науки въ разсчитанномъ служеніи постороннимъ исторической истинѣ цѣлямъ. Теперь все ясно: «домашній, давній споръ» былъ не болѣе какъ *qui pro quo*, которыхъ такъ много въ исторіи, особенно Славянской; теперь уже несомнѣнно то, что не подчиненіе одного народа другому, даже не подчиненіе части—цѣлому, а федеративное, равноправное отношеніе частей составляло сущность и цѣль того политическаго порядка, который желали создать, упрочить и расширить лучшіе дѣатели своего времени, порядка, основаннаго на вѣчномъ мирѣ и крѣпкомъ союзѣ, къ которому, какъ надѣялись даже во 2-й половинѣ XVII в., пристанетъ и Московскій государь съ народомъ ⁽¹⁾. Польская шляхта, по признанію всѣхъ безпристрастно-мыслящихъ историковъ и публицистовъ польскихъ, не умѣла, или не хотѣла, понять этой благородной задачи, хотя разумное рѣшеніе ея давалось само собою, потому что лежало въ природѣ вещей, въ племенномъ и географическомъ единствѣ Славянскаго міра. Сословный эгоизмъ извратилъ естественный ходъ Польско-Русской, а слѣдовательно—и Всеславянской исторіи и послужилъ источникомъ кровавыхъ бѣдствій, переполнившихъ насильственно—связанную жизнь племенныхъ братій, со времени Люблинскаго сейма. Шляхта, подчинившись холодной и безчувственной теоріи іезуитовъ, первая разорвала звенья, которыя соединяли между собою сосѣдніе славянскіе народы—и только грядущему времени, только справедливому разуму и поканію этихъ народовъ, быть можетъ, удастся обновить естественныя начала, ихъ одушевлявшія, но, силою неправедныхъ дѣлъ, сословныхъ и религіозныхъ преслѣдованій, глубоко потрясенныя.

Въ справедливыхъ отношеніяхъ къ простому народу лежитъ начало новой эры. Событія покажутъ, въ какой степени исторія послужила урокомъ для тѣхъ, кто наслѣдовалъ пороки и добродѣтели предковъ; до сихъ же поръ историческая литература и политическія теоріи польскія—къ нашему глубокому сожаѣнію—знушаютъ намъ мало вѣръ въ безпристрастіе потомковъ.

Припишемъ такое странное, въ наше время, явленіе недостатку вѣрныхъ историческихъ свѣдѣній о Югозападной Руси, и пожелаемъ, чтобы прилагаемые трактаты, написанные съ возвышеннымъ безпристрастіемъ и умѣренностью историческаго убѣжденія, послужили въ пользу и намъ, и польскимъ историкамъ и публицистамъ.

⁽¹⁾ См. статью г. Костомарова, во 2-й книжкѣ «Основы».

1.

ОБЪЯСНЕНИЕ

ОТЪ ПРЕДСѢДАТЕЛЯ КІЕВСКОЙ КОММИССІИ

для

РАЗБОРА ДРЕВНИХЪ АКТОВЪ.

Съ нѣкотораго времени, въ заграничныхъ Польскихъ журналахъ начали появляться статьи, съ явною цѣлю увѣрить общее мнѣніе Европы, что Западно-русскій край, по Днѣпръ, есть край Польскій, и что имя *Русинъ* вовсе не означаетъ Русскаго человѣка, а есть провинціальное названіе Поляка, какъ Мазуръ, Краковякъ, Велико-полянинъ. Эта послѣдняя теорія была, какъ извѣстно, изобрѣтена первоначально въ Галиціи. Оттуда она перенесена сюда, какъ опора для стремленій неумѣреннаго Польскаго патріотизма, чувствующаго здѣсь, какъ и тамъ, слабость почвы, для утвержденія своихъ притязаній.

Посягнувъ, такимъ образомъ, на историческую и этнографическую правду, этотъ патріотизмъ нашелъ себя въ необходимости посягнуть и на достовѣрность историческихъ памятниковъ, издаваемыхъ «Кіевскою Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ» и свидѣтельствующихъ о совершенно другомъ значеніи здѣшняго края, слѣдовательно—разрушающихъ въ самомъ корнѣ приведенную выше теорію. Въ слѣдствіе того, неумѣренные Польскіе патріоты рѣшились не только бросить тѣнь сомнѣнія на добросовѣстность дѣйствій Коммиссіи, но формально обвинять ее въ искаженіи и даже подлогѣ издаваемыхъ ею актовъ.

Такого рода обвиненія, конечно, не обязываютъ къ отвѣту, и Коммиссія могла бы не отвѣчать на нихъ, если-бы дѣло касалось только ея личности; но здѣсь требуетъ отвѣта интересъ науки, потому-что всякій научный актъ долженъ быть строго оправданъ, для утвержденія за нимъ несомнѣнной достовѣрности. Вотъ почему я считаю долгомъ сказать нѣсколько словъ, въ опроверженіе взведенной на Коммиссію клеветы.

Такъ-какъ всѣ человѣческія дѣйствія имѣютъ свою причину въ побужденіяхъ вещественнаго или нравственнаго интереса, то рассмотримъ отношеніе Коммиссіи къ этому источнику побужденій.

Всѣ участвующіе въ ученыхъ занятіяхъ и трудахъ Коммиссіи, съ самого ея учрежденія, не пользуются никакими служебными правами и не получаютъ никакого содержанія отъ Правительства. Во все время ея существованія, ни одинъ изъ ея членовъ не получалъ отъ Правительства никакой награды. Одному мнѣ, и то лично, во вниманіе къ моей прежней долговременной службѣ по Министерству Народнаго Просвѣщенія, дарованы служебныя права, но тоже безъ жалованья. Слѣдовательно, никакія побужденія вещественнаго интереса не могутъ управлять дѣйствіями Коммиссіи.

Что касается до интереса нравственнаго, то онъ могъ бы проявиться въ Коммиссіи развѣ въ стремленіяхъ ложнаго патріотизма. Но для патріотическихъ увлеченій вообще нужны сильные поводы, а тѣмъ болѣе для такихъ увлеченій, которыя, заглушая голосъ совѣсти и чести, могутъ доводить до такого рода дѣйствій, какъ подлогъ памятниковъ давно-минувшаго времени или искаженіе живой, несомнѣнной истины. Всякій, конечно, согласится, что у насъ, Русскихъ, нѣтъ такихъ поводовъ въ отношеніи къ Польшѣ. Тяжба между нами кончена, и у насъ нѣтъ ни одного нравственнаго интереса, который побуждалъ бы насъ къ такого рода дѣйствіямъ, а есть у насъ, напротивъ, нравственный интересъ, строго внушающій намъ совѣстные побужденія: это интересъ нашего народнаго достоинства, требующаго отъ насъ, въ отношеніи къ Польшѣ, безукоризненной честности. И этотъ интересъ мы соблюдаемъ свято. Я ссылаюсь на всю нашу современную литературу, отражающую общее мнѣніе Россіи: найдется ли у насъ хоть одинъ журналъ, хотя одна печатная по русски строка, гдѣ бы выражалось неблагоклонное чувство къ Польской народности, и гдѣ бы не выражалось, когда говорится о ней, полное къ ней уваженіе и сочувствіе? Мы не только не враждуемъ

съ Польскою народностію, но первые теперь отъ души радуемся и благодаримъ Правительство за введеніе въ здѣшнія учебныя заведенія Польскаго языка, который не только необходимъ для *своихъ*, но можетъ быть полезенъ и для *нашихъ*, по близкому намъ родству и богатству его литературы. И такъ, и съ этой стороны не существуетъ побужденій, которыя могли бы хоть сколько нибудь поддерживать дѣлаемое противъ Коммиссіи обвиненіе.

Нѣтъ вообще никакого основанія связывать съ назначеніемъ нашей Коммиссіи какую-нибудь политическую цѣль.—Точно такая же Коммиссія открыта и въ Вильнѣ, гдѣ ея составъ, съ самаго начала и до сего времени, былъ и есть весь почти Польскій. Уже это одно обстоятельство достаточно свидѣтельствуетъ объ отсутствіи всякой политической мысли въ основаніи этихъ археографическихъ учрежденій. Задача наша—не политическіе извороты и сплетни, которые не оправдываются никакою потребностію Россіи, а историческія изысканія въ письменныхъ памятникахъ здѣшней старины, особенно въ громадномъ хранилищѣ Кіевского Центрального Архива (*), заключающаго въ себѣ драгоценныя источники для истории древней внутренней жизни Русскаго народа. Эти источники тѣмъ для насъ драгоценнѣе, что нигдѣ не существовало у насъ, кромѣ Западной Руси, благодаря господствовавшимъ въ ней Литовско-русскимъ юридическимъ обычаямъ, счастливаго для исторической науки учрежденія—такъ называемыхъ актовыхъ книгъ, куда вписывалась, такъ-сказать, вся юридическая жизнь народа, во всѣхъ ея проявленіяхъ. Поэтому, только въ архивахъ Западной Руси могутъ находить данныя для своего окончательнаго разрѣшенія многіе, самые основные, коренные вопросы древне-русской жизни, какъ напримѣръ, вопросъ о древней нашей сельской автономіи. Эти-то данныя и составляютъ главный интересъ, имѣющійся въ виду у Коммиссіи, ту задачу, которую она преимущественно преслѣдуетъ въ своихъ изысканіяхъ, не оставляя, разумѣется, безъ вниманія и всего того, что служитъ къ объясненію исторіи собственно Западно-русскаго края. По бывшему отношенію этого края къ Польшѣ, открытія наши не могутъ не соприкасаться съ нею. Чѣмъ-же мы виноваты, если историческіе памятники не представляютъ здѣшняго прошедшаго въ такомъ свѣтѣ, въ какомъ же—

(*) См. о содержаніи этого Архива въ предисловіи къ 1-му тому Архива Югозападной Россіи.

лало бы его видѣть Польское патріотическое чувство? Но вѣрно ли это чувство отзывается въ груди Польскихъ патріотовъ? Вотъ вопросъ. У какого народа не осталось въ исторіи слѣда пороковъ, злоупотребленій, преступленій? Къ чему же гнѣваться на историческую правду? Исторія, какъ наука народнаго самопознанія, должна быть вѣрнымъ и ясно отражающимъ зеркаломъ. Желать фальшиваго зеркала, скрывающаго недостатки, можно развѣ смѣшному тщеславію отжившей наружную красоту и неимѣющей внутренняго содержанія женщины. Насъ, Русскихъ, всего менѣе, кажется, можно упрекнуть въ самолюбивомъ пристрастіи къ себѣ: мы сами о себѣ издаемъ, какъ драгоценныя свидѣтельства, такія сказанія, какъ сочиненіе Флетчера о Русскомъ государствѣ, и не сердясь смотримся въ зеркало Гоголя. — При такомъ направленіи духа, несправедливо предполагать въ насъ наклонность выгораживать себя на счетъ другихъ.

Обращая наши слова къ неумѣреннымъ Польскимъ патріотамъ, мы вовсе не думаемъ, однакожъ, смѣшивать съ ними всѣхъ Поляковъ: напротивъ, Коммиссія пріятно засвидѣтельствовать, что Польскіе истинные ученые постоянно сочувствовали и содѣйствовали трудамъ ея. Однимъ изъ первыхъ участниковъ въ ея дѣятельности былъ извѣстный Польскій патріотъ и ученый, *Свидзинскій*, который, до самой смерти своей, не переставалъ быть ея усерднымъ сотрудникомъ и постоянно доставлялъ ей значительные матеріалы изъ своего богатаго собранія рукописей (*). Почти наканунѣ своей кончины, (когда я посетилъ его), послѣднія слова, мнѣ имъ сказанныя, выражали жалобу на медленное печатаніе IV тома памятниковъ, въ которомъ польскій текстъ издавался подъ его редакціей. И въ настоящее время, Коммиссія пользуется сочувствіемъ нѣсколькихъ лицъ изъ Поляковъ, которымъ горячая любовь къ своей народности не мѣшаетъ любить безкорыстно науку. Эти факты я приглашаю опровергнуть открыто, если они невѣрны.

Но для полнаго утвержденія достовѣрности какъ бывшихъ, такъ и будущихъ изданій Коммиссіи, я приглашаю всѣхъ и каждаго изъ желающихъ повѣрить вошедшіе, въ эти изданія, памятники съ ихъ подлинниками, обращаться ко мнѣ, и формально обязуюсь доставлять

(*) Въ четырехъ томахъ изданныхъ Коммиссіею памятниковъ, большая часть актовъ, относящихся къ Исторіи Малороссіи, поступили въ Коммиссію изъ этого источника.

каждому всё нужныя къ тому средства, если подлинники находятся въ Киевскомъ Центральномъ Архивѣ; если же они заимствованы изъ другихъ источниковъ, то, для желающихъ повѣрки, во всѣхъ изданіяхъ Коммисіи, у всѣхъ актовъ имѣются указанія, откуда именно они почерпнуты. Этому правила Коммисія постоянно держалась, въ общемъ интересъ науки.

Смѣю удостовѣрить всѣхъ, кому было бы угодно обратиться ко мнѣ для указанной цѣли, что Коммисія не только не приметъ требуемой отъ нея повѣрки за выраженіе недовѣрія къ ней, а напротивъ, съ полною благодарностью оцѣнитъ такой трудъ, какъ содѣйствіе ея искреннему желанію довести вопросъ о несомнѣнности издаваемыхъ ею памятниковъ до окончательнаго, безвозвратнаго разрѣшенія.

Имѣя въ виду одну историческую истину, Коммисія, сверхъ того, всегда будетъ готова внести въ свои изданія всякій древній актъ, еще необнародованный, на который ей укажутъ, или который ей доставятъ, и который свидѣтельствовалъ бы въ пользу Польскаго здѣсь начала.

Что касается до теоріи превращенія здѣшняго края въ Польшу, то мы постараемся отвѣчать на нее не придуманными на этотъ счетъ теоріями же, а положительными документами и изслѣдованіями на нихъ построенными, къ чему и приступаемъ въ настоящемъ (II) томѣ. Пусть рѣшитъ между нами судъ безпристрастной исторической критики, которую мы желаемъ видѣть совершенно свободною и гласною съ обѣихъ сторонъ.

Независимо отъ того, да позволено будетъ намъ, одноплеменникамъ здѣшней Русской народности, предложить на рѣшеніе самихъ Поляковъ, любящихъ и уважающихъ правду, слѣдующіе вопросы:

Въ Киевской, Подольской и Волынской губерніяхъ, общее народонаселеніе составляетъ 5,253,549 душъ. По вѣроисповѣданію и народности, они находятся въ слѣдующемъ численномъ отношеніи: Православныхъ, говорящихъ Русскимъ нарѣчіемъ, 4,128,193 души; Евреевъ 611,370 душъ; Римско-католиковъ 483,056 душъ; Русскихъ Старообрядцевъ и Раскольниковъ 18,827 душъ; Лютеранъ 9,291; Армянъ 290; Магометанъ 271 и Караимовъ 251 душа (*).

Чтобы съ точностью опредѣлить цифру здѣшней Польской народ-

(*) Эти свѣдѣнія почерпнуты изъ мѣстныхъ официальныхъ источниковъ.

ности, слѣдовало бы изъ числа Римско-католиковъ отдѣлить ту массу простого народа, которая хотя исповѣдуетъ латинскую вѣру, но говоритъ Южно-русскимъ нарѣчіемъ и, потому, принадлежитъ по крови и языку, къ Русской народности. Но, не имѣя вѣрныхъ статистическихъ данныхъ для опредѣленія отношенія здѣшнихъ Русскихъ Римско-католиковъ къ тѣмъ изъ нихъ, которые вполне усвоили Польскую народность, мы принимаемъ въ пользу этой последней весь итогъ исповѣдующихъ здѣсь латинскую вѣру. Этотъ итогъ составляетъ около $\frac{1}{11}$ доли общаго народонаселенія.

Спрашиваемъ: справедливо-ли, законно-ли и даже, рѣшаемся сказать, благоразумно-ли *одинадцатой* долѣ населенія притязать на господство своей народности?

Неужели въ нашемъ XIX вѣкѣ еще можно серьезно думать, не только утверждать, а тѣмъ менѣе стремиться къ осуществленію мысли, что шляхетскія преимущества даютъ право на такое господство?

Неужели аксіома, что есть народы безъ шляхты, но нѣтъ и не было шляхты безъ народа, и что народъ здѣсь Русскій, можетъ быть серьезными людьми отрицаема?

Предлагаемъ эти вопросы безъ вражды и страсти, а потому искренно желаемъ, чтобы тѣ, къ кому мы обращаемся, признавъ законъ исторической необходимости и общественной правды, подали намъ въ отвѣтъ руку, къ которой мы такъ охотно протягиваемъ свою, во имя взаимнаго уваженія къ обоюднымъ правамъ, во имя права каждаго человѣка на свою народность, во имя кровнаго родства и дружбы въ совмѣстной жизни, какую опредѣлила для насъ Исторія.

Предсѣдатель Комиссіи М. Юзefовичъ.

II.

СОДЕРЖАНІЕ ПОСТАНОВЛЕНІЙ

ДВОРЯНСКИХЪ ПРОВИНЦІАЛЬНЫХЪ СЕЙМОВЪ ВЪ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ.

Во II-мъ т. *Архива* заключаются акты, со времени присоединенія Юго-западной Руси къ Польшѣ на Люблинскомъ сеймѣ, въ 1596 году, по 1654 годъ, въ которомъ Украина, въ слѣдствіе народнаго возстанія, возбужденнаго Богданомъ Хмельницкимъ, отдѣлилась отъ Польши и присоединилась къ Восточной Руси. ¹⁾

Большая часть этихъ актовъ включаетъ въ себѣ постановленія дворянскихъ провинціальныхъ сеймовъ Югозападной Руси; къ нимъ прибавлены историческіе матеріалы, пополняющіе и поясняющіе сеймовыя постановленія. Провинціальные сеймы установлены были въ Югозападной Руси жалованною грамотою короля Сигизмунда Августа, въ 1565 году. За нѣсколько недѣль предъ генеральнымъ сеймомъ, король приглашалъ дворянъ собираться въ главныхъ городахъ каждаго воеводства, для совѣщаній о нуждахъ Рѣчи Посполитой. По окончаніи совѣщаній, дворяне, постановивъ рѣшеніе, избирали изъ среды своей пословъ и, вручивъ имъ инструкціи, отправляли на генеральный сеймъ ²⁾.

¹⁾ Помѣщенные, въ настоящемъ изданіи, историческіе матеріалы извлечены нами изъ хранящихся въ Киевскомъ Центральномъ Архивѣ актовыхъ книгъ Луцкихъ, Владимірскихъ и Киевскихъ; къ этимъ матеріаламъ присоединено нѣсколько актовъ, извлеченныхъ нами изъ книгъ Трибунала Люблинскаго и Метрики Коронной, хранящихся въ Варшавѣ, въ Главномъ Архивѣ Царства Польскаго. Окончательною редакціею Польскаго текста заведывалъ Библіотекаръ Университета св. Владиміра, начальникъ Киевскаго Центрального Архива, *Красовскій*, принявъ за правило печатать текстъ рукописей съ дипломатическою точностію.

²⁾ Акты, относящіеся до исторіи Западной Россіи, т. III, стр. 138.

Въ этихъ сеймовыхъ постановленіяхъ находимъ предположенія западнорусскаго дворянства по части законодательной, судебной и исполнительной, мѣры къ охраненію Русской народности, изображеніе того состоянія, въ какомъ находилась Югозападная Русь, наконецъ просьбы о награжденіи лицъ, оказавшихъ важныя услуги государству. При изложеніи содержанія издаваемыхъ нами актовъ, мы заставимъ говорить западнорусское дворянство, воздерживаясь отъ собственныхъ нашихъ воззрѣній. Пусть сами дворяне скажутъ намъ, къ какому народу они причисляли себя, какъ они смотрѣли на устройство и состояніе Рѣчи Посполитой, и чего они желали для общественнаго благосостоянія. Но прежде нежели мы приступимъ къ изложенію содержанія актовъ, считаемъ нужнымъ изложить тѣ основанія, на которыхъ Литва и Югозападная Русь соединились съ Польшею въ одну Рѣчь Посполитую.

Въ 1386 году, Великое Княжество Литовское, заключавшее въ своемъ составѣ Югозападную Русь, соединилось съ Польшею, подъ властію одного государя, великаго князя Литовскаго, Ягеллы. Это соединеніе имѣло чисто-федеративный характеръ. Цѣль союза состояла въ томъ, чтобы соединенными силами отражать внѣшнихъ непріятелей и содѣйствовать политическому могуществу обоихъ государствъ ¹⁾. На основаніи такого федеративнаго союза, каждое изъ соединенныхъ государствъ должно было сохранять главныя условія политической независимости, именно, отдѣльную территорію и особые органы законодательной, судебной и административной власти.

Территорія Литвы и Югозападной Руси строго отдѣлялась отъ территоріи Польскаго королевства; объ этомъ заботилось Литовско-Русское дворянство и неоднократно подавало свои просьбы королю. Дворяне жаловались, что паны—Поляки, переходя границы, отдѣляющія Польшу отъ великаго княжества Литовскаго, наносятъ пограничнымъ владѣльцамъ нестерпимыя обиды, производятъ разбои, убиваютъ людей и отнимаютъ земли. Для предотвращенія кровопролитія, Литовско-русское дворянство просило короля, чтобы границы между

¹⁾ «Contra insultus quorundam hominum assistere, regem et coronam, regnum et regnicolas Poloniae et eorum necessitates perpetuo adjuvare, quod et ipsi (i. e. regnicolae Poloniae) nobis pari modo tenebuntur facere vice versa.» Privilegium praelatorum Lithvaniae 1401. Vol. Legg. T. I. p. 60. «Pro defensione fortiori, subsistentia dominiorum eorundem firmitiori, unionem et connexionem ad effectum deducere conabantur.» Ibid. p. 288.

Польшею и великимъ княжествомъ Литовскимъ приведены были въ несомнѣнную извѣстность. Объ этомъ оно подавало просьбы на Виленскомъ сеймѣ, въ 1547, 1551 и 1554 годахъ. Такія же просьбы особо подавало дворянство Вольнское въ 1551 и 1554 годахъ, жалуясь на разбои, убійства и грабежи, претерпѣваемые пограничными владѣльцами отъ пановъ-Поляковъ. Въ слѣдствіе этихъ просьбъ, король отправлялъ посланцовъ, какъ со стороны Литвы и Югозападной Руси, такъ и со стороны Польши, чтобы постановить между этими государствами точныя и вѣчныя границы ¹⁾. Польша, отдѣленная отъ Литвы и Югозападной Руси вѣчными границами, была для Литовско-Русскаго народа страною чужеземною ²⁾; Поляки считались людьми заграничными, чужеземцами (*liudi zahranicznuye, cziuzozemcy*) ³⁾.

Поляки, наравнѣ съ другими чужеземцами, не могли занимать, въ Литвѣ и Югозападной Руси, никакихъ государственныхъ должностей и не имѣли права владѣть поземельною собственностію.

Желая устранить всякое участіе Поляковъ во внутреннемъ управленіи Литвы и Югозападной Руси, Литовско-русское дворянство неоднократно обращалось съ просьбами къ королю о томъ, чтобы Поляки, какъ чужеземцы, не были допускаемы ни къ какимъ государственнымъ должностямъ, въ предѣлахъ Литвы и Югозападной Руси ⁴⁾. Такія просьбы подавало Литовскорусское дворянство королю въ 1544

¹⁾ Zbiór praw Litewskich. Poznań, 1841, стр. 428, 469, 474, 490 и 501. Также Акты, относящіяся къ исторіи западной Россіи, изданные Археогрaфическою Коммисіею Т. III, стр. 10, 42, 46.

²⁾ Это подтверждается слѣдующею статьею Статута Литовскаго 1529 года: «Też ustawijem, ktoruju by dewku otec abo matka dali do cziuzoie zemli z wielikoho kniaźstwa Litowskoho, do Polski, abo do Mazowsz, abo do ktoroie kolwe zemli» etc. Разд. IV, арт. IX.

³⁾ Въ отвѣтахъ королѣй на просьбы Литовскорусскаго дворянства, на Брестскомъ сеймѣ, въ 1544 году, сказано: «Zatym szto jeste prosili, aby Poliakom cziuzozemcom wradow i ynych dostojnostej u wielikom kniakstwie nedawano» и проч. Zbiór praw Litewskich стр. 405.

⁴⁾ Литовскорусское дворянство основывало свою просьбу на слѣдующей статьѣ Статута Литовскаго 1529 года: «Też szlubujem i obiecujem, iż w zemlach naszich toho wielikoho kniaźstwa, zemli, i horodow, i mest, i kotorych kolwe deditw, i derżania, i też kotorych kolwe wradow naszich, abo czestiej i dostoinosti, obczomu, ale tolko prirożonym a tubylcom tych zeml naszich wielikoho kniaźstwa, ne budem dawati, i potomki naszci ne budut dawati w derżanie i w pożiwanie. Разд. III, арт. 3. Также Zbiór praw Litewskich, стр. 45.

году, на Брестскомъ сеймѣ, и въ 1547 году, на сеймѣ Виленскомъ. Польскіе чиновники, сопровождавшіе короля во время поѣздки его въ Литву и Югозападную Русь, должны были останавливаться на границѣ, а если вѣзжали съ королемъ въ предѣлы Великаго Княжества Литовскаго, то считались чужеземными гостями и не имѣли права вмѣшиваться въ общественныя дѣла. При королѣ оставались только придворные чины, необходимыя для его личныхъ услугъ ⁽¹⁾.

Чужеземцы не имѣли права пріобрѣтать поземельную собственность въ Литвѣ и Югозападной Руси ⁽²⁾; это ограниченіе распространялось и на Поляковъ. На Виленскомъ сеймѣ, въ 1554 году, дворянство Волынское жаловалось королю, что нѣкоторые паны-Поляки, женившись на дворянкахъ въ Землѣ Волынской и живя въ имѣніяхъ своихъ женъ, обижаютъ мѣстныхъ дворянъ, дѣлая имъ великія непріятности. Желая не только лишить Поляковъ права пріобрѣтать поземельную собственность на Волыни, но и устранить ихъ отъ владѣнія и пользованія имѣніями, дворянство Волынское просило короля, чтобы дозволено было ближайшимъ родственникамъ выкупать имѣнія дворянокъ, вышедшихъ замужъ за Поляковъ. Король приказалъ руководствоваться, въ этомъ случаѣ, законами о чужеземцахъ, постановленными для всего Великаго Княжества Литовскаго ⁽³⁾. Право пріобрѣтать поземельную собственность въ Литвѣ и Югозападной Руси предоставлено было Полякамъ только въ 1564 году, на Варшавскомъ сеймѣ ⁽⁴⁾.

Изъ приведенныхъ нами узаконеній слѣдуетъ, что Литва вмѣстѣ съ Югозападною Русью, заключивъ федеративный союзъ съ Польшею, сохраняла свою политическую независимость, имѣла свою отдѣльную территорію и особую внутреннюю администрацію, считая Польшу чужеземною страной, а ея жителей—чужеземцами. Западнорусскіе

⁽¹⁾ Zbiór praw Lit., стр. 433. «Także szto jeste mowili jeho krolewskiej miłosti, iż buł tot obyczaj zawżdy iz starodawna, za szczastnoho panowania prodkow jeho miłosti, iż khdykolwek ich krolewskaia miłost s koruny polskoje jeźdezali do welikoho kniaźstwa litowskoho, tohdy na hranicy wsi wradniki dwornyje korunnyje ostawali; a jestli kotoryj do kniaźstwa litowskoho jechał, tohdy bywał jakobi hostem, a żadnoje mocy i władnosti w sprawowaniu wradu swojeho ne meł, ani sia w to wstupował.» Также стр. 405. Акты Западной Россіи. Т. III, стр. 13.

⁽²⁾ Zbiór praw Lit., стр. 481. Акты Западной Россіи, т. III, стр. 53.

⁽³⁾ Zbiór praw Litew., стр. 305. Акты Западной Россіи, т. IV, стр. 66.

⁽⁴⁾ Voll. Legg. T. I, p. 649, art: 23.

дворяне, строго отличая Русь отъ Польши, называли себя народомъ Русскимъ, безъ различія вѣроисповѣданій ⁽¹⁾. Этимъ же именемъ и Польское правительство называло какъ дворянъ, такъ и весь народъ, населявшій Югозападную Русь. Поэтому грамоты, данныя Польскимъ правительствомъ для охраненія православной религіи, какъ въ Литвѣ, такъ и въ Югозападной Руси, назывались дипломами Русскому народу ⁽²⁾.

Характеръ федеративнаго союза Литвы съ Польшею былъ измѣненъ въ 1569 году, на Люблинскомъ сеймѣ. Въ этомъ году, Югозападная Русь, заключавшая въ себѣ Волынское и Брацлавское воеводства, а также княжество Кіевское, отдѣлены были отъ Литвы и включены въ составъ Польскаго королевства, въ формѣ провинцій, какъ части къ своему цѣлому, какъ членъ къ своему тѣлу и главѣ ⁽³⁾.

Такое соединеніе должно было имѣть послѣдствія, гибельныя для обоихъ народовъ. Двѣ, почти равносильныя, но, по своимъ основнымъ началамъ, совершенно противоположныя народности, отличавшіяся образомъ правленія, языкомъ и религіею, должны были находиться въ непрерывномъ столкновеніи и парализировать развитіе государства. Съ этихъ поръ, ни Польша, ни Югозападная Русь не знали покоя. Между-тѣмъ-какъ другія государства, подъ защитою централизирующей монархической власти, осаживались на своихъ территорияхъ, обособляли свою народность и укрѣплялись въ силахъ, для того, чтобы перейти къ новымъ, болѣе совершеннымъ, формамъ государственной жизни, Польша и Югозападная Русь истощали свои свѣжія силы во внутренней борьбѣ противоположныхъ народностей и въ распряхъ аристократіи, неспособной къ самоуправленію.

Литовскорусское дворянство предвидѣло эти невыгодныя послѣдствія, и поэтому старалось противудѣйствовать политическимъ видамъ Польскаго правительства. Еще въ 1526 году, дворяне просили короля Сигизмунда I, чтобы онъ короновалъ своего сына на Великое Княжество Литовское, для того только, чтобы, возведя это государство на степень королевства, сдѣлать окончательное сліяніе его съ Польшею невозможнымъ. »Когда Великое Княжество Литовское,« писа-

⁽¹⁾ N. XVII, стр. 203.

⁽²⁾ N. XX, стр. 223, и XXXII, стр. 370.

⁽³⁾ Jako własny a prawdziwy członek ku własnemu ciału. a głowie. Voll. Legg. T. II, pag. 753, art. 2.

ли дворяне королю, «будеть имѣть свою корону, то тогда нельзя будетъ присоединить его къ Коронѣ Польской, потому, что одна корона въ составъ другой короны войти не можетъ. Тогда панамъ Полякамъ нельзя будетъ желать, чтобы это государство было унижено и присоединено къ нимъ, но будетъ равное братство и пріязнь заодно, противъ каждаго непріятеля (¹)».

Присоединеніе Югозападной Руси къ Польшѣ, постановленное на Люблинскомъ сеймѣ, было задумано королемъ Сигизмундомъ Августомъ и поддержано незначительною партіею западнорусскихъ магнатовъ, желавшихъ сравниться въ правахъ и почестяхъ съ Польскими аристократами. Хотя король, въ своихъ грамотахъ, утверждалъ, что соединеніе совершилось по искреннему желанію и добровольному соизволенію всехъ сословій Земли Волынской и Княжества Кіевского (²); однакожь это увѣреніе опровергается позднѣйшими королевскими распоряженіями. По окончаніи Люблинскаго сейма, король принужденъ былъ прибѣгнуть къ угрозѣ, для того, чтобы принудить западнорусскихъ дворянъ дать согласіе на присоединеніе къ Польшѣ и подтвердить это согласіе присягою. Съ этою цѣлю, разосланъ былъ королевскій универсалъ, которымъ предписана была форма присяги, съ прибавленіемъ слѣдующихъ словъ: «А кто бы совершить эту присягу воспротивился, у того, какъ у сопротивляющагося власти нашей и государственнымъ законамъ, имѣніе конфисковать будемъ». Королевскимъ старостамъ повелѣно было доставить королю присяжные списки съ поименованіемъ лицъ, присягавшихъ, и не явившихся къ присягѣ, для того, чтобы король могъ подвергнуть непослушныхъ законному наказанію (³). Впрочемъ, изъ присяжныхъ листовъ, подписанныхъ обывателями повѣтовъ Луцкаго и Владимірскаго, видно, что, не смотря на королевскую угрозу, весьма многія лица, и притомъ представители знатнѣйшихъ дворянскихъ фамилій, не явились къ присягѣ. Изъ духовныхъ лицъ православнаго исповѣданія находимъ въ присяжномъ листѣ только подписъ Іоны, архимандрита Жидичинскаго, да подписъ извѣстнаго своимъ буйствомъ епископа Луцкаго, Іоны Красенскаго (⁴). Изъ лицъ другихъ христіанскихъ вѣроисповѣда-

(¹) Ак. Зап. Рос. Т. II, стр. 175.

(²) «Z woli uprzejmey y za dobrowolnym pozwoleniem wszystkich stanów». Voll. Legg. II, 754.

(³) N. I, стр. 1 во II-мъ томѣ *Архива*.

(⁴) Архивъ югозападной Россіи, томъ I, стр. 29, 162, 191.

ній присягалъ и подписался одинъ только Армянскій попъ Вартикъ ⁽¹⁾.

Изъ сеймовыхъ постановленій, нами издаваемыхъ, можно видѣть всѣ невыгоды, которымъ подверглась Югозападная Русь, по присоединеніи ея къ Польшѣ. Въ этихъ постановленіяхъ, мы находимъ непрерывныя жалобы Западнорусскаго дворянства на своеволие магнатовъ, захватывавшихъ въ свои руки власть законодательную, на несправедливую раздачу староствъ и вышнихъ государственныхъ должностей, на противузаконныя дѣйствія власти судебной и исполнительной, на грабежи и неистовства жолнеровъ и на преслѣдованія православної религіи.

Законодательная власть, по основнымъ законамъ, принадлежала генеральному сейму, состоявшему изъ короля, сенаторовъ и земскихъ пословъ, которые избираемы были дворянствомъ. вмѣстѣ съ тѣмъ какъ усиливалась власть аристократіи, уменьшалось значеніе остальныхъ представителей законодательной власти: короля и посольской избы. Такимъ образомъ нарушено было равновѣсіе политическихъ силъ, необходимое для правильного государственнаго устройства. Дворянство Волынское, въ 1645 году, поручило посламъ своимъ обратить вниманіе генеральнаго Варшавскаго сейма на этотъ недостатокъ въ государственномъ устройствѣ. «Зеница нашихъ вольностей,» говорили дворяне, «есть посольская изба; но въ настоящее время, осталась одна только тѣнь этого установленія. Въ дѣйствительности, шляхетское сословіе исключено изъ сейма; бесполезно гибнуть благороднѣйшія желанія республики, инструкціи, даваемыя дворянствомъ посламъ на Варшавскій сеймъ, и проекты законовъ, предлагаемыхъ въ посольской избѣ». Въ этомъ отношеніи, неустройство Польской республики, по мнѣнію дворянъ Волынскихъ, было такъ велико, что законы Польскіе служили посмѣшищемъ для иностранныхъ народовъ, (*posmiewiskiem u postronnych narodów*) ⁽²⁾.

Эти недостатки государственнаго устройства особенно обнаруживались во время междоусобицъ. По смерти короля, представителемъ верховной власти являлся примасъ королевства, архіепископъ Гітз-

(1) N. I, стр. 4. См. также Жизнь князя Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни, т. I, стр. 19. Изъ лицъ, пока анныхъ не явившимися къ присягѣ, нужно исключить нѣкоторыхъ дворянъ, бывшихъ на Люблинскомъ сеймѣ и тамъ присягавшихъ.

(2) N. XXV, стр. 292 и 293.

ненскій; но власть примаса, большею частію старика, удрученнаго лѣтами, была только тѣнью монархической власти, и притомъ слабую и отдаленною. Государство, во время междуцарствія, распадалось на нѣсколько аристократическихъ республикъ, слабо связанныхъ между собою. Всѣ королевскія судебныя мѣста прекращали свои дѣйствія; верховная власть государя, въ отношеніи къ суду и мѣрамъ внутренней безопасности, переходила къ дворянамъ. Дворянство каждаго воеводства избирало изъ среды своей депутатовъ, для управленія краемъ, устанавливало порядокъ судопроизводства и опредѣляло наказанія за нарушеніе законовъ. Депутаты рѣшали дѣла окончательно. Для строгаго исполненія приговоровъ, дворяне обязывались, на непослушнаго депутатскому суду, возстать, всѣ вмѣстѣ и каждый особо, идти войной, какъ противъ врага отечества, опустошить его имѣнія и лишить его жизни и чести ⁽¹⁾. Не смотря на эти строгія мѣры, междуцарствіе было для народа временемъ опасностей, раздоровъ и внутреннихъ беспорядковъ, производимыхъ буйными, мятежными людьми ⁽²⁾. Сосѣдніе народы, пользуясь внутренними беспорядками и слабостію исполнительной власти, принимали угрожающее положеніе. Польскіе аристократы придумывали, для своей пользы, постановленія, ограничивавшія монархическую власть и доводившія ее до совершеннаго безсилія. Вновь избранный король, согласившись на эти постановленія и подтвердивъ ихъ присягою, часто принималъ на себя неисполнимыя обязанности и дѣлался клятвопреступникомъ. Тогда возникалъ народный ропотъ, подданные считали себя въ правѣ не повиноваться государю, составлялись мятежные союзы и конфедераціи, разрушавшія частное и государственное благосостояніе. По смерти короля Сигизмунда III, дворянство Вольнское отправило пословъ своихъ на генеральный сеймъ, съ горькими упреками покойному государю и его сенаторамъ: «Святой памяти король,» говорили дворяне, «обѣщалъ намъ, подъ присягою, построить на свой счетъ пять замковъ, для защиты края отъ татарскихъ набѣговъ, и не исполнилъ своего обѣщанія; отъ этого наши Украинскія воеводства подвергаются великимъ бѣдствіямъ. Король обязался не только не уменьшать, но, напротивъ, расширять предѣлы королевства; между тѣмъ, княжество Прусское отдалъ князю Бранденбургскому, на ленномъ правѣ, къ ве-

(1) N. II, стр. 30.

(2) N. II, стр. 19.

ликому вреду государства. Король обязался построить флотъ; отъ неисполненія этого обязательства, княжество Прусское было завоевано непріятелемъ. Земля Лифляндская, завоеванная неоцѣненной кровію народа Польскаго и Литовскаго, утрачена и завоевана непріятелемъ, къ великому вреду государства. Король обѣщалъ присоединить къ коронѣ Польской Эстонію, но не исполнилъ этого обѣщанія. Всѣ военные снаряды, какъ-то: пушки, пули, порохъ и другіе, король обязанъ былъ доставлять на свой счетъ, на каждую войну; между тѣмъ, всѣ эти снаряды принуждена была поставлять Рѣчь Посполитая, на счетъ тяжкихъ податей и сборовъ. Сеймы были назначаемы трехнедѣльные, двухнедѣльные и чрезвычайные; на этихъ сеймахъ были вымышляемы новые поборы, которыми было обременено дворянство. Государственный доходъ, назначенный на содержаніе кавалерійскаго войска, для защиты Украины, тратился на другіе предметы. Упоминки Татарамъ, назначенные Рѣчью Посполитою, отдаваемы не были. Дурная монета причинила великій вредъ государству; объ этомъ разсуждаемо было на многихъ сеймахъ, но безъ всякаго успѣха (¹)».

Предметомъ жалобъ со стороны дворянства была также неправильная раздача староствъ, переходившихъ въ руки немногихъ аристократовъ, отъ чего ихъ могущество безмѣрно увеличивалось. Нѣкоторые изъ нихъ, захвативъ въ свои руки болѣе 10 староствъ, продавали ихъ, уступали своимъ приверженцамъ, между тѣмъ какъ люди, оказавшіе важныя услуги государству, лишены были всякой надежды получить награду (²).

(¹) № XVI, стр. 191.

(²) № XXVI, стр. 323. Фамилія Казановскихъ имѣла 15 староствъ, Зборовскихъ—12, Мышковскихъ—16, Яну Замойскому принадлежало 10 староствъ, Вишневецкому—10, Станиславу Потоцкому—10, Лукашу Опалинскому—15, и т. д. *Siarczyńskiego, Obraz wieku panowania Zygmunta III. Poznań, 1843. T. I. str. 262.* Управление старостъ было весьма тяжело для народа. Въ 1638 году, Владиславъ IV требовалъ на судъ наслѣдниковъ Адама Калиновскаго, старосты Брацлавскаго, по жалобѣ жителей города Брацлава. Въ этой жалобѣ сказано, что Калиновскій, отмѣнивъ самовольно права, Брацлаву предоставленныя, принуждалъ жителей къ ежедневнымъ холопскимъ работамъ, обременялъ ихъ произвольными податями и сборами, и довелъ до такой крайности, что они принуждены были уходить изъ города, бросивъ свои дома и свое хозяйство. Въ слѣдствіе такого управленія, изъ двухъ тысячъ жилыхъ домовъ осталось въ Брацлавѣ только 100 съ небольшимъ. См. Книги Главнаго Трибунала Люблинскаго Воеводства Брацлавскаго, въ Главномъ Варшавскомъ Архивѣ, 1638 года, № 18, справа 311.

Устройство Главнаго Трибунала Люблинскаго, какъ высшей судебной инстанціи, западнорусское дворянство полагало основать на началѣ самоуправленія, утверждая, что народъ только тогда можетъ назваться свободнымъ, когда онъ самъ себѣ даетъ законы и самъ себя судить ⁽¹⁾. Поэтому, Трибуналъ Люблинскій состоялъ изъ лицъ, опредѣляемыхъ на одинъ годъ, по выбору дворянства. Но начало самоуправленія, при тогдашнемъ состояніи общества, имѣло невыгодныя послѣдствія. Дворяне жаловались, что трибуналъ, не имѣя законодательной власти, отмѣняетъ своими приговорами законы, несправедливо лишаетъ дворянъ шляхетскаго достоинства и подвергаетъ ихъ безчестию и изгнанію изъ отечества ⁽²⁾. Вотъ какъ изображало дворянство Волынское недостатки Трибунала Люблинскаго, высшей судебной инстанціи: «Трибуналъ запутываетъ дѣла, производя судъ не по предписаніямъ закона, но по произволу; назначаетъ наказанія по собственному усмотрѣнію, а не по мѣрѣ преступленій; полагаетъ приговоры не на основаніи судебного изслѣдованія, но по ненависти къ лицамъ или къ ихъ религіи, постановляя по однимъ и тѣмъ же дѣламъ различныя рѣшенія. Наконецъ Трибуналъ, подавляетъ всякое благородное и свободное мнѣніе. Народъ, который позволяетъ отнимать у себя по произволу жизнь и имущество и подавлять совѣсть, не есть вольный, но рабскій народъ. Избираемые нами короли, государи наши, предоставляютъ намъ право отказываться отъ повиновенія, если бы они, въ своемъ управленіи, вздумали нарушать вольности и права наши, а чтобы судьи, избираемые нами на одинъ годъ, могли угнетать насъ,—не дай того Боже!» ⁽³⁾.

При крайней слабости исполнительной власти, приговоры трибунала часто оставались безъ всякаго исполненія. Люди сильные, совершавшіе уголовныя преступленія, пренебрегали трибуналомъ и не являлись, по его требованію, на судъ. Трибуналъ приговаривалъ ихъ къ баниціи, то есть лишалъ ихъ чести и осуждалъ на изгнаніе изъ отечества; но осужденные, если принадлежали къ могущественной аристократіи, или вовсе не обращали вниманія на судебные приговоры, или получали изъ королевской канцеляріи охранительныя грамоты и, такимъ образомъ, избѣгали наказанія. Государство наполня-

(1) № XXV, стран. 393.

(2) № XXVI, стран. 321 и 322.

(3) № XXV, стран. 293 и 294.

лось людьми, лишенными чести и осужденными на изгнаніе изъ отечества. Эти лица не только не боялись правосудія, но безнаказанно совершали новыя преступленія, нападая вооруженною рукою на мелкихъ дворянъ и отнимая у нихъ имѣнія ⁽¹⁾. Недовольные судопроизводствомъ въ трибуналь Люблинскомъ, дворяне Вольнскіе изъявляли желаніе освободиться отъ власти этой высшей судебной инстанціи и учредить для себя особый трибуналь въ Луцкѣ ⁽²⁾.

Неустройство судебной власти и слабость власти исполнительной подвергали западнорусскихъ дворянъ обидамъ отъ ксендзовъ, козаковъ и особенно жолнеровъ. Жалуясь на ксендзовъ, дворянство Вольнское говорило: «Ихъ милости ксендзы сильно обременяютъ дворянское сословіе такими десятинами, на которыя нѣтъ никакихъ законныхъ и несомнѣнныхъ записей. Ксендзь доказываетъ свое право или какимъ нибудь реестрикомъ, или аттестаціею другаго ксендза, но безъ всякаго законнаго основанія; а судъ, въ обиду дворянскому сословію, требуетъ только, чтобы ксендзь истецъ подтвердилъ свой искъ присягою ⁽³⁾».

На козачество смотрѣли дворяне какъ на причину внутреннихъ смутеній и главный поводъ къ войнамъ Польши съ Султаномъ Турецкимъ. Такъ какъ первые удары непріятеля падали на южнорусскія воеводства, составлявшія охранительную стѣну рѣчи посполитой, то по этому западнорусское дворянство изыскивало средства, чтобы удерживать козаковъ въ повиновеніи. Въ 1618 году, дворянство воеводства Кіевского поручало посламъ своимъ просить на Варшавскомъ сеймѣ, чтобы козачество какъ разбойничья шайка (*lotrowstwo kozackie*), или совершенно было уничтожено, или по крайней мѣрѣ приведено въ прежній порядокъ, чтобы оно не ссорило Польши съ Султаномъ Турецкимъ ⁽⁴⁾. Объ этомъ же ходатайствовало на сеймѣ дворянство Вольнское въ 1622 году, говоря, что для спокойствія цѣлаго государства и для прочнаго мира съ Султаномъ Турецкимъ, необходимо принять мѣры къ удержанію козаковъ въ порядкѣ и повиновеніи ⁽⁵⁾. По усмиреніи козацкаго возстанія, бывшаго въ 1637 году, дворяне Вольнскіе просили на Варшавскомъ сеймѣ, чтобы на

(1) № XXVI, стран. 330 и 331.

(2) № XXV, стран. 295.

(3) № XIII, стран. 141.

(4) № XII, стран. 118.

(5) № XIII, стран. 136.

будущее время начальникомъ занорожскаго войска былъ назначаемъ Польскій шляхтичъ, чтобы украинскіе старосты постоянно находились въ укрѣпленныхъ замкахъ, для предупрежденія козацкихъ бунтовъ, и чтобы крѣпость Кодакъ снабжена была сильнымъ военнымъ отрядомъ, для препятствованія козакамъ выходить на море и чрезъ то нарушать мирныя трактаты Польши съ Султаномъ Турецкимъ ⁽¹⁾.

Великимъ бѣдствіемъ для края было войско, вознаграждавшее себя грабежами за неисправное полученіе жалованья. Опустошеніе, имъ производимое, ни чѣмъ не было хуже непріятельскаго. Жолнеры предавались распутію своеволью, разоряя крестьянъ и помѣщиковъ постоями и котрибуціями. Выведенные изъ терпѣнія дворяне Волынскіе поручили, въ 1643 году, послать своимъ спросить на главномъ Варшавскомъ сеймѣ: «Долго-ли отчизна наша, къ удивленію всѣхъ народовъ, будетъ имѣть въ неустройствѣ войска свои, и долго-ли мы этими войсками сами себя воевать будемъ ⁽²⁾? Бѣдствія, причиняемыя жолнерами, еще болѣе увеличивались частыми набѣгами Татаръ, истреблявшихъ города и селенія и уводившихъ въ плѣнъ огромное количество народа. Всѣ эти бѣдствія преимущественно обрушивались на пограничныя воеводства югозападной Россіи, служившія оборонительною стѣною для всей рѣчи посполитой. Въ 1522 году, дворянство Волынское поручило послать своимъ представить Варшавскому сейму жалкое состояніе края. Дворяне говорили:

«За грѣхи наши, мы покараны отъ Господа Бога различными казнями и бѣдствіями. Мы доведены до нищеты то частыми контрибуціями, то непрерывными войнами, то переходами войскъ чрезъ наши края, то толпами своевольныхъ людей, ежегодно появляющихся. Мы разорены нынѣшнею конфедераціею, измѣненіемъ монеты и ея недостаткомъ, дороговизною и неурожаемъ. Нѣсколько лѣтъ съ ряду, мы подвергались нападеніямъ невѣрныхъ, производившихъ опустошенія огнемъ и мечемъ, такъ что намъ осталось только смотрѣть съ горестію на пепелища имѣній, какъ своихъ собственныхъ, такъ и братій нашихъ. Мы истощились, платя за выкупъ изъ плѣна сыновей, женъ и дѣтей, братьевъ и родственниковъ своихъ. Мы до того стѣснены въ своихъ дворянскихъ имѣніяхъ, что и крестьяне наши

(1) № XXI, стран. 230, № XXII, стр. 277.

(2) № XXV, стр. 399 и 300.

едва дышуть отъ крайней бѣдности и нужды, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ умирають съ голоду ⁽¹⁾».

Вотъ плоды, которыми наслаждалась югозападная Россія, по присоединеніи ея къ Польшѣ на Люблинскомъ сеймѣ!

Вступая въ союзъ съ Польшею, западнорусское дворянство старалось оградить свою народность отъ чужеземнаго вліянія и сохранить ее неприкосновенною. Главныя основы западнорусской народности были: Русскій языкъ и православная вѣра ⁽²⁾. Однимъ изъ главныхъ условій присоединенія Югозападной Руси къ Польшѣ было сохраненіе Русскаго языка во всѣхъ официальныхъ актахъ, какъ въ судахъ городскихъ и земскихъ, такъ и въ королевской канцеляріи. Въ грамотѣ о присоединеніи земли Волынской къ Польшѣ постановлено: «Акты по всѣмъ судебнымъ дѣламъ, въ судахъ нашихъ городскихъ и земскихъ, какъ то: позвы, записи въ книги и другіе акты, и всѣ дѣла, также декреты наши, выдаваемые изъ канцеляріи нашей коронной, и листы, посылаемые по всѣмъ дѣламъ, какъ нашимъ королевскимъ, такъ и земскимъ короннымъ, должны быть писаны не инымъ письмомъ, какъ только Русскимъ, *на вѣчныя времена*» ⁽³⁾. Это же самое постановленіе повторено и въ актѣ о присоединеніи къ Польшѣ княжества Кіевского ⁽⁴⁾.

Вскорѣ по присоединеніи югозападной Руси къ Польшѣ, учреждены были два высшія государственныя установленія: метрика Русская и главный трибуналь Люблинскій. Метрика Русская учреждена была при королевской канцеляріи, для вписыванія административныхъ и судебныхъ актовъ короля и генеральнаго Варшавскаго сейма, для воеводствъ: Кіевского, Волынскаго, Брацлавскаго и, въ послѣдствіи, Черниговскаго. Всѣ дѣла вписывались въ книги этой

(1) № XIII, стр. 138.

(2) Третьимъ элементомъ западнорусской народности было древнее Русское право, но изслѣдованіе этого предмета будетъ напечатано въ одномъ изъ дальнѣйшихъ изданій Коммиссіи.

(3) Voll. Legg. T. II. pag. 757. «To też za prozbą wszech wołyńskiej ziemie przerzeczonych stanow, zostawuiemy: iż we wszelakich sprawach ich sądowych, iako pozwy, wpisowanie do ksiąg, acta, y wszelakie potrzeby, tak u sądow naszych grodzkich y ziemskich, iako y z kancelaryi naszej koronney dekreta nasze y we wszystkich potrzebach naszych królewskich y ziemskich koronnych do nich listy, nie jakim innym, jedno Ruskim pismem pisane y odprawowane bydź mają czasy wiecznemi».

(4) Voll. Legg. II, p. 764.

метрики на Русскомъ языкѣ. Въ 1632 году, на Варшавскомъ съѣздѣ, постановлено было, по требованію западнорусскаго дворянства, чтобы всѣ акты, касающіеся воеводствъ Кіевскаго, Волынскаго и Брацлавскаго, были писаны въ королевскихъ канцеляріяхъ и выдаваемы изъ нихъ на Русскомъ языкѣ, и что акты, написанные на другомъ языкѣ, не должны имѣть никакой силы. Для этой цѣли положено имѣть при канцеляріи коронной особаго чиновника изъ западнорусскихъ дворянъ, который обязанъ былъ завѣдывать всѣмъ, что касалось Русскаго письма ⁽¹⁾.

На провинціальномъ сеймѣ 1638 года, дворянство Волынское поручило посламъ своимъ, отправленнымъ на Варшавскій сеймъ, ходатайствовать о томъ, чтобы при метрикѣ Русской состоялъ особый чиновникъ, избираемый дворянствомъ Кіевскаго, Волынскаго, Брацлавскаго и Черниговскаго воеводствъ. Онъ обязанъ былъ завѣдывать метрикой, писать на Русскомъ языкѣ и отправлять по принадлежности акты, касавшіеся четырехъ означенныхъ выше воеводствъ ⁽²⁾.

Въ главномъ трибуналѣ Люблинскомъ, составлявшемъ высшую судебную инстанцію, ведены были особыя актовыя книги для воеводствъ Волынскаго, Брацлавскаго, Кіевскаго и Черниговскаго. Всѣ дѣла постановлено было записывать въ эти книги Русскимъ языкомъ; на этомъ же языкѣ писались и выдавались тяжущимся судебныя рѣшенія ⁽³⁾.

(1) Статьи, постановленные на Варшавской конвокаціи въ 1632 году, вписаны въ акты городскіе Варшавскіе (Obligationum) № 8., подъ заглавіемъ: Oblata punctorum exorbitantiarum. Статья 27 заключаетъ въ себѣ слѣдующее: «Pisanie Ruskich praw. Jako dawne prawo mieć chciało y iako dotąd w zwyczaju było, wszystkie przywilegie, listy, mandaty y insze wszystkei sprawy Kijowskiego, Wołyńskiego, y Bracławskiego woiewodstw Ruskim ięzykiem w Cancellariach J. K. M. pisane y wydawane być mają sub nullitate wszystkiew sprawy, którą by kto inakszym charakterem z cancellariei wyniosł; g woli czemu ma być zawżdy precy cancellarij coronney pisarz urodzenia szlachezkiego, osiadły y przysięgły, krory by tego Ruskiego pisania we wszystkim doglądał. Akra obligationum grodu Warszawskiego 1631—1632, pag. 2449, въ Вѣдѣномъ Архивѣ Царства Польскаго.

(2) № XXI, стр. 238. Акты Метрики Русской хранятся въ С. Петербургѣ, при третьемъ департаментѣ Правительствующаго Сената.

(3) Трибуналъ для воеводствъ Волынскаго и Брацлавскаго учрежденъ былъ въ 1589 г.—Въ уставѣ трибунала сказано: Pisarze Ziemscy onych woiewodstw mają xiegi osobne mieć, a wszystkie sprawy do tych xiąg pismem Ruskim zapisywać. Dekreta y sprawy wszelakie, także pismem Ruskim wydawać. Voll. Legg. T. II pag. 1237. Воеводство Кіевское подчинено было трибуналу Люблинскому въ 1590 году, на томъ же самомъ основаніи, какъ и воеводства Волынское и Брацлавское. Voll. Legg. T. II. p. 1340.

Въ статутѣ Литовскомъ постановлено, что всѣ листы, выписи и позовы, въ судахъ городскихъ и земскихъ, должны быть писаны Русскимъ языкомъ ⁽¹⁾.

Западнорусское дворянство не только старалось о томъ, чтобы языкъ Русскій употребляемъ былъ въ дѣлахъ судебныхъ и административныхъ, но заботилось и объ его чистотѣ. Конституціею Варшавскаго сейма предложено было воеводствамъ Волынскому и Брацлавскому заняться исправленіемъ законовъ, дѣйствовавшихъ въ Югозападной Руси, при этомъ было постановлено, чтобы законы писаны были Русскимъ языкомъ и письмомъ, безъ примѣси словъ латинскихъ ⁽²⁾.

Слѣдующіе случаи доказываютъ, съ какою заботливостію западнорусское дворянство старалось о томъ, чтобы означенныя выше постановленія объ употребленіи исключительно одного только Русскаго языка, въ судебныхъ и административныхъ дѣлахъ, были исполняемы во всей ихъ силѣ. Въ 1576 году, король Стефанъ Баторій потребовалъ къ себѣ нѣкоторыхъ Брацлавскихъ дворянъ позовными листами, писанными польскимъ языкомъ. Дворянство Брацлавское не позволило своей братіи исполнить королевское приказаніе, замѣтивъ королю, что листы, присылаемые къ нимъ изъ королевской канцеляріи, должны быть писаны на Русскомъ языкѣ: «Найяснѣйшій милостивый король» — писало дворянство Брацлавское: нарушаются наши вольности и права тѣмъ, что изъ канцеляріи вашей королевской милости посылаются къ намъ листы, писанные Польскимъ письмомъ. Поэтому мы просимъ вашу королевскую милость покорными просьбами, на будущее время сохранять въ цѣлости привилегіи и свободы наши, приказавъ, чтобы къ намъ, изъ канцеляріи вашей королевской милости, присылаемы были листы на Русскомъ языкѣ ⁽³⁾».

Въ 1605 году, Кіевскій городской судъ судилъ дѣло о бѣгломъ крестьянинѣ. Отвѣтчикъ былъ оправданъ потому только, что уполномочіе, данное истцомъ адвокату, было написано попольски. Въ судебномъ приговорѣ сказано: «Судъ городской Кіевскій, видя, что уполно-

(1) Ст. Лит. 1566 года. «А писарь земскій маєть поруску литерами и словы Рускими вси листы и позовы писати, а не нишимъ языкомъ и словы». Разд. IV. арт. I. Тоже повторено и въ статутѣ 1588 года въ разд. IV. арт. 1.

(2) Voll. Legg. T. II. pag. 1340 «Statuta, według ich prawa, Ruskim ięzykiem u piśmie mają być pisane, nie mieszając słow łacinskich»

(3) Акты Западной Россіи. Т. III. стр. 187.

мочіе, предъявленное адвокатомъ со стороны истца, написано попольски, а наши законы, по которымъ судится земля Кіевская, повелѣваютъ, чтобы всё дѣла не инымъ были писаны письмомъ, какъ только русскимъ, призналъ уполномочіе незаконнымъ и отвѣтника отъ позва вольнымъ учинилъ.» Истецъ подавалъ апелляцію въ Люблинскій трибуналъ, но не явился на судъ; поэтому трибуналъ утвердилъ рѣшеніе, постановленное Кіевскимъ городскимъ судомъ ⁽¹⁾.

Языкъ Русскій былъ употребляемъ въ Литвѣ и югозападной Руси не въ однихъ судебныхъ и административныхъ дѣлахъ: онъ былъ во всеобщемъ употребленіи между частными лицами, духовенство писало на немъ свои проповѣди и другія сочиненія, этому языку обучалось юношество въ училищахъ, на немъ писались завѣщанія. Самые знатные и образованные изъ западнорусскихъ патріотовъ завѣщевали дѣтямъ своимъ учиться Русской грамотѣ, не забывать своего Русскаго письма и Русской рѣчи, не оставлять добрыхъ Русскихъ обычаевъ, пребывая вѣрными своей православной вѣрѣ, до самой смерти ⁽²⁾.

Изложивъ свѣдѣнія объ употребленіи Русскаго языка въ Литвѣ и Югозападной Руси, извлеченныя нами изъ официальныхъ актовъ, не лишнимъ считаемъ прибавить мнѣніе объ этомъ предметѣ одного изъ ученыхъ и безпристрастныхъ Польскихъ писателей, Сярчинскаго. «Въ древнія времена, Литва, во всѣхъ письменныхъ намятникахъ, не употребляла другаго языка, какъ только Русскій. На этомъ языкѣ писаны были лѣтописи, уставы и жалованныя грамоты князей, письма княжескаго двора, поученія духовенства. Западная Русь, вышедшая изъ состоянія дикости гораздо прежде Литвы, передала ея обитателямъ свои обычаи, вѣру, законы и языкъ. Множество Руси, спасая жизнь и имущество отъ дикихъ Татаръ, уходили въ Литву и тамъ поселялись. Стрыйковскій, который имѣлъ объ этомъ предметѣ вѣрныя свѣдѣнія, и которому нельзя было не вѣрить, утверждаетъ, что еще въ продолженіи XVI вѣка, Литва, въ церквахъ, судахъ и школахъ, не знала другаго языка, кромѣ Русскаго. Сошиковъ утверждаетъ, что Русь, въ Польшѣ и Литвѣ, до самаго конца XVII вѣка, всё свои духовныя книги писала на Русскомъ языкѣ. Этотъ языкъ Сошиковъ на-

⁽¹⁾ Книга главного трибунала Люблинскаго, воеводства Кіевскаго 1607 г. № 6, справа 120, въ Главномъ Архивѣ Царства Польскаго.

⁽²⁾ См. завѣщаніе Василія Загоровскаго, костеляна Брацлавскаго, въ Арх. Югозападной Руси. Т. I, стр. 67.

зываетъ Бѣлорусскимъ. Соглашаясь съ мнѣніемъ Сошикова, Линде называетъ языкъ, на которомъ написанъ былъ Статутъ Литовскій, также Бѣлорусскимъ. Но для чего употреблять это особое названіе? Я нисколько не отвергаю, что языкъ Русскій, которымъ говорила и писала Польская и Литовская Русь, былъ отличенъ отъ Великорусскаго и Церковнославянскаго; но недостаточно ли называть этотъ языкъ просто Русскимъ? Небольшія отличія въ говорѣ, встрѣчающіяся у Русскихъ въ Червонной, Бѣлой, Черной, Малой и Великой Руси, не уничтожаютъ характера языка; этотъ языкъ, какъ говоритъ Шлёцеръ, вездѣ Русскій. Языкъ Польскій, которымъ говорятъ въ Великой Польшѣ, въ Малой Польшѣ, въ Мазовіи и Пруссіи, имѣетъ отличія; не смотря на то, на письмѣ не дѣлается отличія между языками великопольскимъ, малопольскимъ, мазовецкимъ и т. д.» ⁽¹⁾.

Мы видѣли, какъ дорожило западнорусское дворянство своимъ роднымъ языкомъ, и какія усилія оно употребляло для его сохраненія, но еще съ большею ревностію оно заботилось о сохраненіи своей народной православной религіи. Православную религію западнорусское дворянство старалось поддерживать и охранять отъ вліянія иностранныхъ исповѣданій учрежденіемъ церковныхъ братствъ, монастырей и учебныхъ заведеній. Уцѣлѣвшія, до настоящаго времени, церкви и монастыри, разсѣянные на всемъ пространствѣ Югозападной Руси, гробницы князей и

⁽¹⁾ См. *Obraz wieku panowania Zygmunta III przez X. Franciszka Siarczyńskiego. Poznań. 1843. Т. I, стр. 198.* Вопросъ о Западнорусскомъ языкѣ и его отношеніи къ Великорусскому мы предоставляемъ филологамъ. Замѣтимъ только, что въ официальныхъ актахъ до XVI вѣка, Западнорусскій языкъ почти во всемъ сходенъ съ современнымъ ему языкомъ Восточной Руси. Съ XVI вѣка, Западнорусскій языкъ начинаетъ заимствовать изъ Польскаго языка слова и грамматическія формы; не смотря на то, онъ всегда сохранялъ болѣе сходствъ съ Великорусскимъ, нежели съ Польскимъ языкомъ. До конца XVI столѣтія, законъ объ исключительномъ употребленіи Русскаго языка въ официальныхъ актахъ соблюдался во всей строгости. Къ концу этого столѣтія начинаютъ встрѣчаться въ актовыхъ книгахъ правительственныя распоряженія и частныя записи на Польскомъ и Латинскомъ языкахъ. Необходимость входить въ частыя сношенія съ Польшею, а также недостатокъ народнаго образованія, заставлявшій дворянъ отдавать дѣтей въ іезуитскія школы, имѣли слѣдствіемъ быстрое распространеніе Польскаго языка въ Западнорусскомъ дворянствѣ, такъ что во второй половинѣ XVII вѣка, этотъ языкъ получаетъ рѣшительный перевѣсъ надъ Русскимъ. Но вліяніе означенныхъ выше причинъ ограничивалось преимущественно дворянскимъ сословіемъ; напротивъ того, простой народъ, составлявшій главную массу населенія, всегда сохранялъ свой родной Русскій языкъ неприкосновеннымъ.

дворянъ съ Русскими надгробными надписями, наполненные княжескими и дворянскими фамиліями древніе поминальные синодики, хранящіеся въ православныхъ церквахъ и монастыряхъ, свидѣлствуютъ, что западнорусское дворянство, причисляя себя къ Русскому народу, пребывало до гроба вѣрнымъ своей православной религіи. Иногда дворяне заключали между собою договоръ, обязываясь защищать и поддерживать учрежденныя ими религіозныя установленія соединенными силами. Такъ въ 1601 году, сорокъ четыре представителя важнѣйшихъ дворянскихъ фамилій на Волыни заключили между собою обязательство о защитѣ церковнаго Люблинскаго братства, назначивъ ему на содержаніе земли. Подъ этимъ обязательствомъ находимъ подписи: князя Константина Острожскаго, князя Сангушка Коширскаго, князя Яхима Корецкаго, князя Юрія Друцкаго-Горскаго, Василя Семашка, Лаврина Древинскаго, князя Курцевича-Булыги, князя Юрія Чарторыйскаго, Фридриха Тишкевича, князя Григорія Четвертинскаго, князя Друцкаго-Любецкаго, Мартина Бутовича и многихъ другихъ ⁽¹⁾.

Предметомъ особенной заботливости для западнорусскаго дворянства была Кіевопечерская Лавра. Дворяне поручали посламъ своимъ ходатайствовать на Варшавскомъ сеймѣ, чтобы Кіевопечерская Лавра, домъ Божій, какъ они ее называли, была защищена отъ притѣсненій и пользовалась древними правами своими, такъ какъ лица знатныхъ фамилій посѣщаютъ въ этомъ монастырѣ гробы своихъ предковъ, а простой народъ стекается для поклоненія святымъ угодникамъ ⁽²⁾. Съ древнихъ временъ, дворянство исходатайствовало себѣ право избирать архимандрита Кіевопечерской Лавры. Тотчасъ по смерти архимандрита, соборное духовенство оповѣщало князей и дворянъ православной вѣры, прося ихъ прибыть въ Кіевъ для выбора архимандрита изъ лицъ дворянскаго сословія, знающихъ догматы православной религіи и изучившихъ богословскія науки. Избирательный листъ, съ подписями избирателей, посылался королю на утвержденіе ⁽³⁾.

Король Сигизмундъ III и окружавшіе его іезуиты весьма хорошо понимали всю важность Кіевопечерской Лавры, имѣвшей религіозное вліяніе не только на Западную, но и на Восточную Россію. Поэто-

⁽¹⁾ N. IV, стр. 35.

⁽²⁾ № XII, стр. 123.

⁽³⁾ Образецъ такого избирательнаго листа напечатанъ подъ № XXVII, стр. 336.

му, какъ только нѣкоторые изъ православныхъ іерарховъ изъявили согласіе на унію, тотчасъ явилась мысль предоставить этотъ монастырь въ распоряженіе столицы апостольской. Іезуиты понимали, что, захвативъ въ свои руки эту всероссійскую святыню, они сдѣлали бы изъ нея средоточіе обширной католической пропаганды, которая могла бы распространять свое вліяніе на весь народъ Русскій. Въ этихъ видахъ, Сигизмундъ III, еще до принятія уніи на Брестскомъ соборѣ, испросилъ у папы Климента VIII особую буллу, которою Кіевопечерская Лавра, со всеми ея имѣніями и доходами, предоставлена была во власть митрополитовъ кіевскихъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы они пребывали въ соединеніи съ Римскимъ костеломъ (1). Такое распоряженіе возбудило сильный ропотъ и негодованіе въ Югозападной Руси. Дворянство отправило пословъ на Варшавскій сеймъ и требовало, чтобы папская булла была отмѣнена, такъ какъ право назначать архимандрита Кіевопечерской Лавры не принадлежитъ ни королю, ни папѣ, а только православнымъ дворянскимъ фамиліямъ. Негодованіе народа и дворянъ было такъ сильно, что угрожало опасностію государству и заставило короля просить папу объ отмѣнѣ буллы и о возвращеніи Кіевопечерской Лавры въ прежнее положеніе. Папа, для успокоенія государства (*pro regni tranquillitate*), согласился на просьбу короля, и двумя бреве, данными на имя короля и папскаго нунція, разрѣшилъ освободить Кіевопечерскую Лавру отъ власти уніатскихъ митрополитовъ и возвратить дворянству право избирать архимандрита (2). Такимъ энергическимъ усиленіемъ западнорусскаго дворянства, Кіевопечерская Лавра сохранена была въ своей первобытной святости и спасена отъ разрушенія, которому подверглась большая часть православныхъ церквей и монастырей, поступившихъ во власть уніатскаго духовенства.

Удерживая за собою право избирать митрополита, нѣкоторыхъ епископовъ и архимандритовъ важнѣйшихъ монастырей, западнорусское дворянство считало обязанностию заботиться о приготовленіи изъ среды своей лицъ, способныхъ для поступленія въ духовное званіе. Для этой цѣли, дворянство Вольнское, въ 1607 и 1608 годахъ, ходатайство-

(1) Эта булла папы Климента VIII, 1595 марта 4, вписана въ книгу гродскую Житомирскую 1760 г., листъ 1009 на оборотѣ.

(2) N. V, стр. 40. N. VI, стр. 44.

вало на Варшавскомъ сеймѣ, чтобы митрополиту, епископамъ и архимандриту Кіевопечерской Лавры вмѣнено было въ обязанность учредить, на счетъ монастырскихъ и епископскихъ доходовъ, семинаріи, въ которыхъ бы постоянно воспитывались дворянскія дѣти, для приготвленія къ духовному званію ⁽¹⁾. Но наиболѣе выразилась непоколебимая приверженность западнорусскаго дворянства къ православію въ рѣ въ борьбѣ противъ уніи.

По мнѣнію западнорусскихъ іерарховъ, для измѣненія религіозныхъ догматовъ, не достаточно было постановленіе одного только духовенства, но необходимо было согласіе свѣтскихъ лицъ, какъ дворянскаго сословія, такъ и посполитаго народа, чтобы не было насилія людямъ въ ихъ вѣрѣ и совѣсти ⁽²⁾. Это начало, отличавшее западнорусскую православную церковь отъ католической, давало возможность дворянству участвовать, вмѣстѣ съ духовенствомъ, въ совѣщаніяхъ соборовъ и въ постановленіи соборныхъ опредѣленій. По этому, когда созванъ былъ въ 1596 году, Брестскій соборъ, для совѣщанія объ уніи, то на этомъ соборѣ явилось многочисленное собраніе дворянъ и свѣтскихъ сановниковъ, изъ Литвы и Югозападной Руси. Всѣ эти лица, вмѣстѣ съ православнымъ духовенствомъ, участвовали въ соборныхъ совѣщаніяхъ, претестовали противъ уніи, требовали низложенія іерарховъ, отступившихъ отъ православія, и съ своимъ протестомъ отравили пословъ къ королю ⁽³⁾. Но когда дворяне увидѣли, что постановленія собора были отвергнуты Польскимъ правительствомъ, что малочисленная православная іерархія оказалась безсильною для защиты своей вѣры, что имѣнія, пожертвованныя ихъ предками на содержаніе церквей, монастырей, братствъ и училищъ, были отобраны въ пользу уніатовъ: тогда они рѣшились принять народную Русскую вѣру подъ свою непосредственную защиту и сдѣлали ее предметомъ совѣщаній на своихъ провинціальныхъ сеймахъ.

Не вдаваясь въ богословскія прѣнія, дворяне защищали свою религію на основаніи законовъ, обезпечивавшихъ свободу вѣроисповѣданія. Они говорили, что православная религія издавна имѣла права свои, подтвержденныя многими королями Польскими и великими князьями Литовскими, что эти права никогда не были нарушаемы до вре-

⁽¹⁾ N. VIII, стр. 75. N. X, стр. 92.

⁽²⁾ Архивъ Югозападной Руси Т. I, ст. III.

⁽³⁾ Тамъ же, стр. 509.

мени короля Сигизмунда III, и что религія православная начала подвергаться преслѣдованію только съ тѣхъ поръ, когда митрополитъ и нѣкоторые изъ епископовъ, измѣнивъ своей вѣрѣ, признали надъ собою власть Римскаго папы (¹). Защищая начало вѣротерпимости, православное дворянство заботилось не только о правахъ своей церкви, но требовало, чтобы всѣ христіанскія вѣроисповѣданія могли спокойно отправлять свое богослуженіе, на основаніи давнихъ правъ и привилегій, утвержденныхъ присягами короля Сигизмунда III, и его предшественниковъ (²).

Со времени Брестскаго собора, на которомъ принята была унія въ 1596 году, не проходило ни одного почти сейма, на которомъ бы не раздавался голосъ западнорусскаго дворянства въ защиту православной вѣры.

Въ 1606 году, король Сигизмундъ III находился въ затруднительномъ положеніи. Недовольная его управленіемъ шляхта, составивъ многочисленное войско, подняла мятежъ, упрекая короля въ замыслѣ, на присвоеніе неограниченной власти, въ нарушеніи государственныхъ законовъ, въ недостаткѣ правосудія и въ разстройствѣ финансовъ. Государству угрожала междоусобная война. Этимъ случаемъ рѣшилось воспользоваться западнорусское дворянство для того, чтобы возстановить древнія права религіи православной, нарушенныя введеніемъ уніи. Дворяне Вольнскіе, соединившись съ дворянами воеводства Кіевскаго, на съѣздѣ подъ Сендомиромъ, постановили просить короля, чтобы унія была уничтожена, чтобы митрополитъ и епископы, принявшіе унію, были лишены должностей и всѣхъ іерархическихъ правъ, имъ предоставленныхъ, чтобы, на будущее время, всѣ іерархическія должности и церковныя имѣнія были раздаваемы только лицамъ православнаго исповѣданія и притомъ по свободному выбору дворянства (³).

Угрожаемый мятежными конфедератами король, желая привлечь на свою сторону западнорусское дворянство, обѣщалъ, что, на будущее время, православный Русскій народъ не будетъ подвергаться преслѣдованію за свою вѣру, что ему будетъ предоставлена свобода богослуженія по древнимъ обрядамъ, что лица православнаго исповѣданія будутъ имѣть право отправлять городскую службу и заниматься реме-

(¹) N. VIII, стр. 69.

(²) N. XII, стр. 120.

(³) N. VIII, стр. 69.

слами. Всѣ тяжбы возникшія изъ религіозныхъ споровъ были признаны недействительными, и духовныя лица, присужденныя къ наказаніямъ по дѣламъ вѣры, объявлены свободными. Но митрополитъ и епископы, согласившіеся на унію, не были лишены духовнаго сана, сохранили свои іерархическія должности и продолжали владѣть церковными имѣніями ⁽¹⁾.

Видя упорство короля и желая прекратить гибельные для государства раздоры, дворяне Волынскіе, на провинціальномъ сеймѣ 1607 года, согласились сдѣлать уступку въ пользу уніатскаго духовенства. Они объявили, что уніатскіе епископы могутъ сохранять свой духовный санъ и пользоваться іерархическими почестями, но должны отказаться отъ всякой власти надъ православнымъ духовенствомъ. Имъ должна быть назначена на содержаніе третья часть церковныхъ имѣній, въ которыхъ они могли бы жить и исполнять церковныя обряды до самой смерти, а по смерти ихъ, церковныя имѣнія должны возвратиться къ православнымъ епископамъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ дворяне просили, чтобы съ этого времени, король назначалъ имъ только православныхъ епископовъ, которые бы состояли подъ властію патріарха Константинопольскаго, и чтобы это правило утверждено было особою сеймовою конституціею ⁽²⁾.

Въ слѣдствіе этой просьбы, въ конституцію Варшавскаго сейма 1607 года, внесена была особая статья о православной вѣрѣ. Король обѣщалъ не иначе раздавать іерархическія должности и церковныя имѣнія, какъ только на основаніи записей и жалованныхъ королевскихъ грамотъ, и притомъ лицамъ дворянскаго сословія народа Русскаго, исповѣдующимъ истинную православную религію. Король обязался не нарушать правъ народа Русскаго въ отношеніи къ религіи и не запрещать ему свободнаго отправленія церковныхъ обрядовъ, по древнимъ обычаямъ. Сверхъ того постановлено, что церковныя православныя братства, должны сохранять свои права и привилегіи ⁽³⁾.

Этимъ постановленіемъ не удовольствовалося западнорусское дворянство. На провинціальномъ сеймѣ 1608 года поставлено было просить короля, чтобы епископія раздаваема была только лицамъ, посвященнымъ въ епископскій санъ восточными патріархами. Если бы та-

⁽¹⁾ N. VII, стр. 55.

⁽²⁾ N. VIII, стр. 72 и 73.

⁽³⁾ Voll. Legg. II, p. 1608.

ед .гто .IIIY .X (1)

021 .гто .IIX .X (1)

ед .гто .IIIY .X (1)

кой епископъ, принявъ унию, подчинился власти Римскаго костела, то онъ долженъ оставить епископію, и на его мѣсто долженъ быть поставленъ другой епископъ, исповѣдующій истинную православную вѣру и признающій надъ собою власть восточныхъ патріарховъ. Эта просьба предложена была послами западнорусскаго дворянства, на Варшавскомъ сеймѣ въ 1609 году ⁽¹⁾; но король отложилъ дѣло до слѣдующаго сейма, приказавъ, чтобы между православнымъ и униатскимъ духовенствомъ не было никакихъ раздоровъ, чтобы тѣ и другіе оставались спокойно на своихъ мѣстахъ, угрожая за нарушеніе мира штрафомъ въ десять тысячъ копѣ грошей ⁽²⁾.

Всѣ обѣщанія короля и постановленія Варшавскаго сейма оставались мертвою буквою. Западнорусское дворянство продолжало жаловаться на преслѣдованія, которымъ подвергался народъ Русскій въ отправленіи церковныхъ обрядовъ, на поруганіе православныхъ церквей, на принужденіе священниковъ къ принятію униі. Почти на каждый Варшавскій сеймъ дворяне посылали просьбы о защитѣ православной вѣры, ссылаясь на конституцію и привилегіи, подтвержденныя королевскими присягами, и на грамоту о присоединеніи Югозападной Руси къ Польшѣ ⁽³⁾; но всѣ ихъ просьбы и жалобы оставались безъ всякихъ послѣдствій. Король и Варшавскій сеймъ или вовсе не обращали вниманія на просьбы дворянъ, или откладывали рѣшеніе дѣла до слѣдующихъ сеймовъ, или провозглашали свободу православной вѣры, но не принимали никакихъ мѣръ къ ея защитѣ ⁽⁴⁾. Такъ продолжалось до смерти короля Сигизмунда III.

Смерть Сигизмунда III, основывавшаго свою внутреннюю и внѣшнюю политику на фанатизмъ и религіозной нетерпимости, оживила надежды западнорусскаго народа. Дворянство считало долгомъ воспользоваться этимъ случаемъ и начало новую борьбу за свои права и свою народность. Въ 1632 году, іюня 3, болѣе двухъ-сотъ дворянъ Волынскихъ явилось на провинціальный сеймъ въ Луцкѣ, и главнымъ предметомъ ихъ совѣщаній была православная вѣра. Дворяне обвиняли покойнаго короля въ томъ, что народъ Русскій, съ 1596 года, безуспѣшно жа-

⁽¹⁾ N. X, стр. 90 и 91.

⁽²⁾ Voll. Legg. II, pag. 1666.

⁽³⁾ N. XI, стр. 105. N. XII, стр. 119 и 120. N. XIII, стр. 134. N. XIV, стр. 153 и 154.

⁽⁴⁾ Voll. Legg. II, p. 326, 379, 450, 547, 669.

ловался о нарушении правъ, подтвержденныхъ конфедераціями и грамотами королей Польскихъ и великихъ князей Литовскихъ. На основаніи этихъ постановленій, король обязанъ былъ раздавать іерархическія должности туземному православному дворянству; между тѣмъ, митрополія Кіевская, епископіи и архимандріи раздаваемы были лицамъ постороннимъ и притомъ уніатамъ. Православное дворянство не было допускаемо къ государственнымъ должностямъ, мѣщане, несогласившіеся принять унію, были отставляемы отъ городскихъ должностей, лишены были права вступать въ цехи и заниматься ремеслами. Православныя церкви насильственно отдаваемы были уніатамъ, запрещалось строить новыя православныя церкви, и невинные люди, за свою вѣру, томились въ темницахъ. Избранные дворянствомъ послы должны были изложить эти жалобы на генеральномъ Варшавскомъ съѣздѣ, предшествовавшемъ избранію новаго короля, и требовать, чтобы свобода вѣры, для всѣхъ и вездѣ, была постановлена и обезпечена ясными законами, и чтобы вновь избираемый король подтвердилъ это постановленіе присягою. Посламъ вмѣнено было въ обязанность не приступать ни къ какимъ сеймовымъ совѣщаніямъ, пока православная вѣра не будетъ совершенно успокоена, и пока не будутъ возстановлены ея древнія права и привилегіи ⁽¹⁾.

Такъ какъ просьбы и жалобы пословъ, отправленныхъ дворянствомъ на генеральный Варшавскій съѣздъ, не имѣли успѣха, то дворяне Волынскіе снова собирались на провинціальный сеймъ. Здѣсь они, торжественно объявляя себя народомъ Русскимъ, постановили отправиться, лично и всѣмъ вмѣстѣ, на Варшавскій сеймъ назначенный для избранія новаго короля, стоять крѣпко за свои права и особенно стараться о свободѣ вѣры и о возстановленіи правъ, предоставленныхъ православною религіею. Дворяне дали обѣтъ не приступать къ избранію новаго короля до тѣхъ поръ, пока ихъ требованія не будутъ исполнены ⁽²⁾.

Дворяне Волынскіе сдержали свое обѣщаніе. На избирательный Варшавскій сеймъ, бывший въ сентябрѣ 1632 года, явилось сто-сорокъ дворянъ Волынскихъ, къ нимъ присоединилось двадцать-пять дворянъ воеводства Кіевского и двадцать воеводства Брацлавскаго. Фамиліи этихъ дворянъ, явившихся на Варшавскій сеймъ для защиты

⁽¹⁾ N. XVI, стр. 188.

⁽²⁾ N. XVII, стр. 202, 203.

правъ западнорусскаго народа, мы считали долгомъ напечатать въ настоящемъ изданіи, чтобы сохранить ихъ для исторіи ⁽¹⁾.

Усилія западнорусскаго дворянства на избирательномъ Варшавскомъ сеймѣ обращены были преимущественно на защиту двухъ главныхъ основъ Русской народности: Русскаго языка и православной религіи.

Мы уже видѣли, что на генеральномъ Варшавскомъ съѣздѣ 1632 года, іюня 22, постановлено было, по требованію западнорусскаго дворянства, чтобы всѣ акты, касавшіеся воеводствъ Кіевского, Волынскаго и Брацлавскаго, писаны были въ королевскихъ канцеляріяхъ и выдаваемы были на Русскомъ языкѣ, и чтобы акты, писанные на другомъ языкѣ, не имѣли никакой силы.

Для возстановленія правъ религіи православной, дворяне, не смотря на фанатическое сопротивленіе католическаго и униатскаго духовенства, исходатайствовали постановленіе, которымъ данъ былъ рѣшительный перевѣсъ православной церкви надъ униатскою. Этимъ постановленіемъ предоставлено было Русскому православному народу свободное отправленіе богослуженія и всѣхъ церковныхъ обрядовъ, право строить новыя церкви и обновлять старыя, учреждать церковныя братства, богадѣльни, семинаріи, школы и типографіи; мѣщане православнаго исповѣданія допущены были къ городскимъ должностямъ, во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ Рѣчи Посполитой. Власть высшаго униатскаго духовенства была весьма ограничена и заключена въ тѣсныя предѣлы. Униатскому митрополиту оставлена была власть надъ одними только униатами, и назначенъ для жительства Выдубитскій монастырь; всѣ прочія имѣнія митрополіи Кіевской постановлено было передать православному митрополиту, который долженъ быть избираемъ западнорусскимъ дворянствомъ и получать посвященіе отъ патріарха Константинопольскаго. Дворянству предоставлено было также право избирать православныхъ епископовъ на епархіи: Львовскую, Луцкую, Премысльскую и Метиславскую, а также архимандритовъ Кіевопечерской Лавры и Уневскаго монастыря. Кіевопечерская Лавра со всѣми ея принадлежностями, Михайловскій и всѣ прочіе монастыри и церкви, какъ находившіяся въ Кіевѣ, такъ и приписанныя къ этому городу, возвращены были православнымъ. Для прекращенія споровъ, постановлено избрать комиссаровъ, которые должны были распредѣлить мо-

(1) N. XIX, стр. 215.

настыри и церкви, во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ, между православными и униатами, сообразно съ количествомъ народонаселенія. Каждому предоставлено было право переходить изъ униі въ православіе и на оборотъ. Затѣмъ, какъ униаты такъ и православные обязаны были прекратить всякіе раздоры и жить между собою въ покоѣ, любви и согласіи ⁽¹⁾. Эти примирительныя статьи подтверждены были особою грамотою короля Владислава IV, которая названа дипломомъ, даннымъ Русскому народу ⁽²⁾,

Но примирительныя статьи короля Владислава IV и дипломъ, данный Русскому народу, не успокоили религіозныхъ раздоровъ и не прекратили преслѣдованій, которымъ подвергалась православная вѣра. Народъ Польскій, какъ и всѣ другіе Славянскіе народы, никогда не обнаруживалъ, въ своемъ національномъ характерѣ, религіозной нетерпимости. Разсмотрѣвъ нѣсколько сотъ актовыхъ книгъ Вольнскихъ, Кіевскихъ и Брацлавскихъ, также акты Трибунала Люблинскаго и Метрики Коронной, мы не нашли ни одного случая, который бы доказывалъ фанатическую ненависть Польскаго народа къ другимъ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ. Мы даже видимъ изъ актовъ, что католики, жившіе въ Югозападной Руси, не дѣлая строгаго различія между католическою и православною религіею, приглашали священниковъ крестить дѣтей и принимали отъ нихъ святое причастіе; православные священники совершали надъ католиками обряды вѣчанія и погребенія ⁽³⁾. Большинство Польскаго дворянства на сеймахъ подавало голосъ въ пользу вѣротерпимости и охотно соглашалось на всѣ мѣры, которыя предлагаемы были для примиренія враждовавшихъ религіозныхъ партій, что особенно замѣтно было во время междоусобицъ, когда дворяне получили право дѣйствовать по внушенію собственной своей совѣсти ⁽⁴⁾. Но въ государственномъ составѣ древней Польши существовала чуждая народнымъ интересамъ, иноземная власть, старавшаяся наложить оковы на разумъ и совѣсть Польскаго и западнорусскаго народа; эта власть заключалась въ Римской пропагандѣ. Религіозный фанатизмъ, занесенный въ Польшу Римскою пропагандою, поселялъ раздоръ между единоплеменными народами; онъ какъ погреб-

⁽¹⁾ N. XVIII, стр. 208.

⁽²⁾ N. XX, стр. 223.

⁽³⁾ Архивъ Югозападной Руси. Ч. I, т. I, стр. XXXVIII.

⁽⁴⁾ Krzyżanowsky, Dawna Polska, 1857, I. LXLI.

бальный факель, бросалъ свой зловѣщій свѣтъ на всю исторію Рѣчи Посполитой и велъ это государство къ политической смерти. Какъ только король и сеймъ, для предотвращенія междоусобной религіозной войны, постановили означенныя выше примирительныя статьи и подтвердили ихъ дипломомъ, даннымъ Русскому народу, тотчасъ раздались протесты высшаго католическаго и униатскаго духовенства. При-мась королевства и, въ слѣдъ за нимъ, клерикальная партія объявили, что всѣ постановленія короля и сейма, въ пользу православной религіи, не могутъ имѣть никакой законной силы, пока не будутъ утверждены столицею апостольскою. Въ слѣдъ за тѣмъ отправлено было, со стороны католическаго и униатскаго духовенства, посольство къ папѣ Урбану VIII, съ жалобами на распоряженія Польскаго правительства, нарушившаго права Римскаго костела, въ пользу еретиковъ и отступниковъ. Напрасно Владиславъ IV старался убѣдить столицу апостольскую, что возстановленіе религіозныхъ правъ Русскаго народа основано на непреложной справедливости, что неминуемо возникаетъ междоусобная война, и что самая унія подвергнется опасности, если папа не утвердитъ статей, постановленныхъ сеймомъ, для примиренія религіозныхъ раздоровъ. Урбанъ VIII передалъ дѣло на разсмотрѣніе конгрегаціи, учрежденной для распространенія католичества. Конгрегація отвергла всѣ сеймовыя постановленія въ пользу православной религіи и дипломъ, данный Русскому народу, объявивъ ихъ противными божескимъ и человѣческимъ законамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣно было папскому нунцію Гонорату издать, отъ имени столицы апостольской, манифестъ противъ всякихъ правъ, какія бы ни были предоставлены православной религіи ⁽¹⁾.

Такое рѣшеніе столицы апостольской было причиною новыхъ религіозныхъ смутъ и несчастій для западнорусскаго народа. Дворянство принуждено было попрежнему посылать на Варшавскій сеймъ горькія жалобы. Оно жаловалось, что права, предоставленныя православному Русскому народу, при возшествіи на престолъ Владислава IV, не только не приводятся въ исполненіе, но подвергаются явному нарушенію, что церковь православная претерпѣваетъ жестокия обиды, особенно отъ униатовъ, что униатскій епископъ Хелмскій Меодій Терлецкій, за-

(1) *Ostrowskiego, Dzieje y prawa kościoła Polskiego. Warszawa 1793. T. III, str. 484. Łukaszewicza, Dzieje kościołow wyznania Helweckiego w Litwie. T. I, str. 201.*

владѣвъ православными церквами, позамыкалъ ихъ и позапечатывалъ, что онъ мучить православныхъ священниковъ въ тюрьмѣ, что люди умираютъ безъ исповѣди и св. причастія, а дѣти безъ крещенія, и что умершіе погребаются въ полѣ, безъ церковныхъ обрядовъ ⁽¹⁾. На провинціальномъ сеймѣ 1645 года, дворянство Волынское поручило своимъ посламъ говорить на Варшавскомъ сеймѣ: «Религія православная, издревле принятая нашими предками, признанная основными законами государства, подтвержденная привилегіями, условиями, постановленными при избраніи королей, и священною присягою нынѣшняго короля, пана нашего милостиваго, такимъ подвергается насиліямъ въ христіанскомъ католическомъ государствѣ, въ вольной и свободной республикѣ, какихъ не претерпѣваютъ и христіане, Греки, въ неволѣ у невѣрныхъ. Церкви, монастыри и соборы у насъ отобраны, запрещено свободное отправленіе церковныхъ обрядовъ, бѣдные христіане умираютъ безъ св. причастія и не смѣютъ публично погребать умершихъ. Въ Люблинѣ, въ Сокалѣ, Бѣльскѣ и другихъ городахъ, православные христіане принуждены тайно погребать умершихъ въ подвалахъ и домахъ своихъ. Можетъ ли быть еще большее рабство?» Дворяне обязали пословъ своихъ вѣрою, честію и совѣстію не соглашаться ни на какое сеймовое постановленіе, пока народъ Русскій ни будетъ избавленъ отъ такого тяжкаго угнѣтенія ⁽²⁾. Такія жалобы безуспѣшно продолжались до 1648 года, когда Западнорусскій народъ, выведенный изъ терпѣнія, возсталъ поголовно, подъ предводительствомъ Богдана Хмельницкаго. Вопросы, которыхъ не могло рѣшить дворянство посредствомъ сеймовыхъ совѣщаній и постановленій, принужденъ былъ рѣшить народъ, съ оружіемъ въ рукахъ. Въ слѣдствіе побѣдъ, одержанныхъ надъ войсками Рѣчи Посполитой, народъ Русскій, по заключеніи Зборовскаго трактата, получилъ въ 1650 году, отъ короля Яна Казимира, новый дипломъ, подтверждавшій для православной религіи всѣ тѣ права, которыхъ добивалось Западнорусское дворянство, со времени принятія уніи на Брестскомъ соборѣ ⁽³⁾.

Народное возстаніе, возбужденное Богданомъ Хмельницкимъ, поставило западнорусскихъ дворянъ въ самое затруднительное положеніе. Въ

(1) № XXI, стр. 234. № XXII, стр. 254. № XXIII, стр. 270.

(2) № XXV, стр. 287. Эта же жалоба повторена и на сеймикѣ 1646 года, № XXVI, стр. 319.

(3) № XXXII, стр. 370.

инструкціяхъ посламъ, отправленнымъ на Варшавскій сеймъ, дворяне воеводствъ Кіевскаго, Черниговскаго и Волынскаго изображаютъ свое состояніе мрачными красками. Они жалуются, что, потерявъ свое здоровье и имущество для спасенія отечества, принуждены скитаться по чужимъ дворамъ; что они съ своими имѣніями отданы на жертву распутному своеволю жолнеровъ и волонтеровъ, служащихъ Рѣчи Посполитой; что возвратившись въ свои имѣнія, опустошенныя огнемъ и мечемъ, они нашли однѣ только развалины и трупы непогребенныхъ братій своихъ. Отъ Буга и до Днѣстра осталась одна стена, дикія поля и опустошенные города и селенія, а все спасенное отъ непріятеля истребляется войсками Рѣчи Посполитой. Напрасно они умоляли короля и республику о помощи и состраданіи, припоминая условія о взаимной защитѣ, постановленныя на Люблинскомъ сеймѣ, когда Югозападная Русь присоединялась къ Польшѣ. «Пусть вспомнить», говорили дворяне, «отчизна, мать наша, какъ мы заслоняли ее своею грудью, какъ защищали военною стражею, хоругвями и полками; какъ мы удѣляли хлѣбъ многимъ изъ братій нашихъ, а теперь скитаемся съ своими семействами и не можемъ выпросить ни куска хлѣба, ни бѣднаго пристанища. Убогіе братья наши, прокармливаясь милостынею, ожидаютъ и не могутъ дожидаться утѣшенія. Ни оружіе, ни мирныя переговоры не возвращаютъ намъ нашей собственности, и напрасно надѣемся мы на помощь и состраданіе, какъ повелѣваетъ Богъ и его святая правда». Крестьяне терпѣли еще большія бѣдствія. Ихъ вопли, по выраженію дворянъ, проникали въ небеса, отъ переходовъ войска, которое уже высосало изъ нихъ и самую кровь. Селенія были опустошены огнемъ, рабочій скотъ истребленъ, крестьяне отстали отъ земледѣлія, и число ихъ до того уменьшилось, что помѣщики принуждены были сами обрабатывать земли, на свой счетъ и собственными трудами своими ⁽¹⁾.

Напрасно западнорусскіе дворяне, въ постигшемъ ихъ несчастіи, ожидали помощи отъ Польскаго правительства. Поляки смотрѣли на Русскихъ подозрительно, предполагая въ нихъ сочувствіе къ народному возстанію и готовность къ измѣнѣ ⁽²⁾. Поэтому, многіе западнорусскіе

⁽¹⁾ № XXXIV, стр. 394.

⁽²⁾ Эта недовѣрчивость доказывается перепискою военныхъ и гражданскихъ Польскихъ сановниковъ, напечатанною въ I томѣ Памятниковъ, изданныхъ Кіевскою Коммиссіею. Такъ въ письмѣ отъ пана Чернаго къ канцле-

дворяне, для сохраненія своей жизни и имущества, принуждены были или пристать къ Козакамъ, или сдѣлаться Поляками, отрекшись отъ своей народности и принявъ католическую вѣру; потому что католическая вѣра служила тогда знаменемъ Польской національности. Вместе съ тѣмъ какъ народная война принимала болѣе широкіе размѣры и угрожала большими бѣдствиями, содержаніе сеймовыхъ дворянскихъ постановленій совершенно измѣняется. Въ этихъ постановленіяхъ, дворяне уже не разсуждаютъ ни о Русской народности, ни о православной религіи; напротивъ того, они являются ревностными защитниками католической вѣры.

По заключеніи Зборовскаго трактата, дворяне воеводствъ Кіевскаго, Черниговскаго и Волынскаго, на провинціальныхъ сеймахъ, бывшихъ въ 1651 году, поручили посламъ своимъ жаловаться на неистовства Козаковъ надъ ксенздами и костелами и ходатайствовать о томъ, чтобы костелы, разрушенные и опустошенные Козаками, были возстановлены и возвращены прежнимъ владѣльцамъ ⁽¹⁾, чтобы приняты были мѣры для защиты костеловъ и ксендзовъ отъ козацкаго своеволія ⁽²⁾, чтобы комиссары, назначенные для заключенія Бѣлоцерковскаго трактата съ Козаками, старались обезпечить неприкосновенность костеловъ и свободу католической вѣры ⁽³⁾. Дворяне Волынскіе просили, правда, и о возвращеніи церквей, отнятыхъ у православнаго духовенства, но уже не изъ усердія къ древней народной религіи, а только для того, чтобы предотвратить новые бунты и возстанія въ народѣ ⁽⁴⁾.

Такая внезапная перемѣна въ духѣ сеймовыхъ постановленій заставляетъ предполагать, что полонизированіе западнорусскаго дворянства, подготовленное іезуитскимъ воспитаніемъ, начало быстро усиливаться;

ру коронному сказано: «У Вишневецкаго находится 8000 войска, но онъ ему не довѣряетъ, потому что оно — Русь» Отд. II, стр. 26. Въ письмѣ снѣдика Львовскаго: «Мы опасаемся тайныхъ замысловъ отъ людей православной вѣры. Несомнѣнно, что лица православной религіи съ радостію ожидаютъ непріятеля». Отд. 2, стр. 57. Подчасъ коронный писалъ къ коронному канцлеру: «Трудно найти шпіона между Русскими, потому что всѣ они измѣнники» Отд. 2, стр. 438. Даже воевода Кисиль, которому поручаемы были переговоры съ Козаками, возбуждалъ къ себѣ недовѣріе. Поляки называли его таинственнымъ (*tajemny Kissiel*) и подозрѣвали, что онъ обманываетъ Рѣчь Посполитую. Отд. 2, стр. 266 и 291.

⁽¹⁾ № XXXV, стр. 419.

⁽²⁾ № XXXVI, стр. 429.

⁽³⁾ № XXXIV, стр. 397.

⁽⁴⁾ № XXXIV, стр. 398.

при чемъ дворяне, переходившіе въ католическую вѣру, уже начали считать себя Поляками и такое заблужденіе, укоренившееся въ общественномъ мнѣніи, продолжается до настоящаго времени, такъ что потомки древнихъ Русскихъ дворянъ и даже владѣтельныхъ князей Русскихъ считаются Поляками, если только исповѣдываютъ католическую вѣру. Эти природные Русскіе дворяне, отрeksiеся отъ своей народности и скрывшіе свое отступничество подъ чужеземнымъ названіемъ, разорвали внутреннюю, моральную связь съ Западнорусскимъ народомъ и, съ тѣхъ поръ, перестали быть истинными его представителями.

Изъ вышеизложеннаго изслѣдованія можно вывести слѣдующія заключенія:

Литва и Югозападная Русь соединены были первоначально съ Польшею федеративнымъ союзомъ. Каждое изъ соединенныхъ государствъ, состоя подъ властію одного государя, сохраняло отдѣльную территорію и имѣло особые органы законодательной, судебной и административной власти.

Въ этомъ федеративномъ союзѣ, Польша въ отношеніи къ Литвѣ и Югозападной Руси, считалась страной чужеземною, Поляки—людьми заграничными, чужеземцами. Поляки, наравнѣ съ другими иностранцами, не могли занимать, въ Литвѣ и Югозападной Руси, государственныхъ должностей и не имѣли права владѣть поземельною собственностію.

Западнорусскіе дворяне, строго отличая Русь отъ Польши, называли себя народомъ Русскимъ, безъ различія вѣроисповѣданій. Этимъ же именемъ Польское правительство называло какъ дворянъ, такъ и весь народъ, населявшій Югозападную Русь.

Федеративный союзъ Литвы и Югозападной Руси съ Польшею былъ измѣненъ въ 1569 году, постановленіемъ Люблинскаго сейма. Этимъ постановленіемъ, Югозападная Русь присоединена была къ Польшѣ въ видѣ провинціи; но это присоединеніе не можетъ быть названо добровольнымъ, такъ какъ оно вынуждено было угрозою конфискаціи дворянскихъ имѣній.

Присоединеніе Югозападной Руси къ Польшѣ имѣло гибельныя послѣдствія для обоихъ государствъ: двѣ почти равносильныя, но совершенно противоположныя, народности должны были постоянно приходить въ столкновеніе и вести гибельную борьбу, которая препятствовала правильному развитію государства.

Главные основы Западнорусской народности были: Русскій языкъ и православная религія. Западнорусское дворянство дорожило своимъ роднымъ Русскимъ языкомъ и старалось о томъ, чтобы употребленіе этого языка въ официальныхъ актахъ было утверждено законами; за права религіи православной, дворянство вело продолжительную и упорную борьбу съ римскокатолическою пропагандой.

Причины, содѣйствовавшія полонизированію западнорусскаго дворянства, не коснулись цѣлой народной массы. Народъ, населяющій Юго-западную Русь, рѣзко отдѣлявшійся отъ дворянскаго сословія частнымъ и общественнымъ бытомъ, всегда былъ и остается въ настоящее время народомъ Русскимъ, свято сохраняя главные основы своей народности: Русскій языкъ и Православную вѣру.

Н. Иванишевъ.

ХМЕЛЬНИЦЬКА.

(Частина) (¹).

XLV.

Ще не зійшовъ снігъ и трава тільки де-не-де зеленіла, а вже Україна кров'ю скрізь поливалася. Люде своїхъ державцівъ и королівськихъ старость зъ України виругували; жовніре за панівъ стояли; козаки, що зъ своїхъ осадъ походили, знову верталися и вкупі зъ селянами жовнірівъ побивали. Хмельницький тимъ часомъ до Молдаванъ сїна женити ходивъ и на Батозі, надъ Богомъ-рікою, зъ Ляхами спіткався. Не пощастило Ляхамъ, побили козаки коронне військо и самого гетьмана їхъ убили, и за Берестечко й за Трилиси добре надъ ними помстїлися. По всій Україні розлилась слава про щасливу потребу на Батозі; народъ по тій поголодї вірісь угору; жовніре потрівожились, почали зъ України тікати, а козаки охочі й реєстрові їхъ переймати, доганяти, шарпати, на переправахъ топїти. Зновъ народня воля одъ Стародуба та ажъ по Камянець-Подільский різаниною себе огласїла. Затрусїлися Ляхи въ Варшаві, якъ почули, що на Батозі козаки шляхту вігубили, а зъ України жовніре и державці повтікали. Зновъ за посполїте рушення були вхопилися, та вже не стало єдности міжъ панами; мусили хитрою ласкою Хмельницько-

(¹) Предлагаемая статья заимствована изъ печатающейся общедоступной истории Украины П. А. Кулиша, по выходе которой появится, съ теченіемъ времени, другой, болѣе важный и несравненно обширѣйшій трудъ того же автора, — именно История Украины, на украинскомъ языкѣ, обработанная строго-научнымъ образомъ.

го вгонобити, а тимъ часомъ до війни налагодитись. Наступивъ 1653 рікъ. Випустили пані въ Брацлавщину Чарнецького, такого жъ безсердечного різунá, якъ и князь Вишневецький Ерема. Хоч не багáто въ ёго було війська, та багáто завзяття. Де пройшовъ Чарнецький по Брацлавщині — димомъ взялись городи й села. Зупинивъ ёго Богунъ полковникъ, побивъ ёго підъ Монастирищемъ. А тимъ часомъ Ляхи въ Литовському Бресті сеймъ сеймували и нові потуги собі готували. Самъ король визвався вести Лядське військо на Хмельницького. А Хмельницькому бідá велика склалась: сина ёго Тимоша, на повороті зъ Молдавщини, Ляхи въ горóді Сочаві застúкали и зъ гармáти на валу вби́ли. Зъ гиркíмъ серцемъ двíнувъ Богданъ Хмельницький свої потуги на короля и спіткавъ Ляхівъ підъ Жванцемъ, надъ Дністрóмъ, недалеко одъ Кам'янця-Подільского. Вели́ке було въ королі́ військо, напáсти на ёго була не сила; мусивъ Хмельницький иншимъ рóбомъ во́енне діло зробити. Не даючи́ королéві́ поля, вінъ ёго військо́ порозницею шарпавъ, запáси одбивавъ, живности въ Польський та́боръ не пускавъ; а тимъ часомъ Орду́ съ Криму на Ляхівъ кли́кавъ. По́ки жъ при́шли́ Татáре, а вже королівці́ почали́ голодомъ голодувати́, по домівкахъ розбігáтися, а тутъ хворóба въ та́боръ одъ осіннёго хóлоду та одъ не́погоди вкíнулась. Бача́ть Ляхи́, що зъ одного́ бо́ку Хмельницький на́пірає, а зъ другого́ Орда́ вже веремі́я крúтить, почали́ хáна блага́ти, великі́ дáри ёму́ поступáти, и який́ хоче ясі́ръ по Рýськихъ зéмляхъ дозво́лили ёму́ зася́гувати. Пропáла Хмельницького́ справа: король съ хáномъ побратáли́сь. Двíнувъ вінъ свої́ потуги на́поворотмá въ Україну. А Татáре одъ Дністра́ до Люблі́на грасувáли, села́ палі́ли, люде́й у неволю́ бра́ли, а йдучи́ Україною, те жъ са́ме й по Вкраї́ні чині́ли. Страше́нний слі́дъ по Татáрахъ до́вго въ тихъ сторона́хъ зоста́вся.

XLVI.

Ще, ско́ро побивъ Хмельницький Ляхівъ підъ Корсунемъ, до ёго гонці́ та́йно зъ Москви́ при́зді́ли и тимъ ёго докоря́ли, що невірнихъ Татáръ до во́енної ко́мпáнії за́кли́кавъ, а не Христия́нъ правосла́внихъ, котóрі не розли́ли бъ сті́лько кро́ві, якъ Татáре. Москва́ по Дніпро́ земле́ю володі́ти бажа́ла, и за те обіща́ла Ляхівъ за

Віслу прогнати. Ще жь тоді не було вь Хмельницького й думки одь речі посполітої одриватись и до Московського царства прилучатися. Після Збараської потреби, царські послі вже явно вь Переяславъ завітали и одні речі прилюдне говоріли, а інші на самоті съ Хмельницькимъ радували. Ще жь и тоді Хмельницький добре памятавъ, що підь сонцемъ другої речі посполітої немає и нігдѣ такої волі козаки шаблею не здобудуть. А теперъ уже Ляхи зь Ордою поєднались; сила козацька підупала, та й людей на Україні поміншало. Край бувъ перше багатий, а теперъ спустошений; здобичь воєнну крамарі чужоземці вь козаківъ повиламювали, грішні козаки вже на меді та горілки попереводили, а що найбільшъ — гетьмана чернь не такъ-то поважала и про другого гетьмана потаємне радилась. Треба їмъ було вже хочь Московською ласкою себе забезпечити. И оцѣ вже вінъ свої посланці у Москвѣ посилає. А царь изъ боярами и зь виборними одь усього стану людьми велику раду на Москві радивъ, чи приймати бь то, чи ні, підданство одь Хмельницького. Передь усімъ ніби-то світомъ Москвѣ тимъ великимъ зѣмськимъ соборомъ оправділася, що не за що, якъ за віру, вона вступаетця и не козаківъ, а церкви святі, за которі бь то козаки воюють, підь свою оборону берѣ. Отъ и шле царь Олексій Михайловичъ свої послі вь Переяславъ одь козаківъ присягу приймати. Вся старшина козацька вь Переяславъ позъїзділася, за себе и за всю Україну присягнула и міщанъ Переяславськихъ до присяги змусила. Не присягнувъ тільки Сірко, отаманъ кошовий Запорозький, та Богунъ, полковникъ Винницький, зь своїми козаками. Не присягли ще вь Києві митрополитъ Сильвестеръ Косовъ и архимандритъ Печерський Іосипъ Трізна съ попами и ченцями. Сі не хотіли Московському патріарсі підклонитися: самі собою звикли правуватися. Отъ жь прочитали Переяславські пункти вь Переяславі, и бояре за царя присягли: що буде царь ціло всю Україну по обідва боки Дніпра держати; що не будуть єго урядники вь козацькі суді втручатися; де два буде козаки, тамъ вони третєго судитимуть; реєстръ козацький буде шість-десять тисячъ; гетьмані и всі урядники вільними голосами обіратимутця, и всякий станъ: дворяне, духовні, міщане, козаки и поспільство по своїхъ давніхъ правахъ и звичаяхъ житимуть. Козаки братимуть плату за службу зь Українського скарбу; зь того жь

*

скарбу итїме дань на царські потребїзни, тїлько що не царські збірщики її збиратимуть. Козакї царєві посїлокъ підь воєнний частъ даватимуть, а царь їхъ одь Ляхівъ и одь їншихъ ворогівъ боронїтїме. Такъ розпочався 1654 рікъ.

XLVII.

Того жъ року Москóвський царь своє військо посїлає мїсто Смолénське зпідь Лядської дérжави вїзволити, а Хмельницький одь себе посїлає на підмóгу царєві вісімъ полківъ и надь ними Ніженському полковникові Васїоті наказнє гетьманство дає. Вїзволили Смолénське, побрáli мїста Вїтєнське, Пóлоцьке, Дубрóвицю, Оршу, Шкловъ, Могилéвъ, Бїховъ и їншихъ багáто. Вся Біла Русь и Литвá царєві підклонїлася: такъ ёмұ козакї допомагáли. А поки Москалі самї воювáli, то въ сїхъ сторонахъ Ляхї та Литвá надь Москвою гóру брáli и далéко вже въ царство булі врізались. Дрúге військо царське вкупї сь Хмельницькимъ на Вкраїні стóяло, а Богúнь на Подóлі Потóцького летúчимъ бóемъ дражнївъ и на Вкраїну замáнювавъ. Якъ жé вгнáвся Потóцький за Богунóмъ ажъ до Уманя, пристїгъ Хмельницький сь царськимъ бояриномъ Шеремéтомъ Богунóви на óдсїчъ, спїткáлися зъ гетьманомъ Потóцькимъ на Дрижї-полї, мїжъ Ставїща-ми и Охмáтовимъ. Дїялося дїло зїмою. А Ляхамъ ужé Ордá помагáє и великого дúху додає. Мїцно Ляхї на нáшихъ налягáли; дóбре ї нáши оборонялися; кругóмъ трúпомъ обóзь окїдали и сь того мёрзлого трúпу валъ кругъ себе зложїли и зъ-за того вáлу одбивáлися. Крúто вже нáшимъ вельми приходилось; ажъ тутъ Богúнь изъ Уманя вїскочивъ и на Ляхівъ зненáцька вдáривъ. Ляхї вжахнúлися, Татарвá въ-рóстичъ кїнулася, а нáши до Білої Цérкви, до головнїхъ потúгъ своїхъ, вернúлися. Тимъ чáсомъ Побужанъ Чарнécький и Лянцкорóвський тóжко воювáli. Жáденъ бо гóродъ, жáдне селó не хотїло їмъ підклонїтися; всї до загїну бїлися, самї своє дóбро палили и слúхати про підданство Ляхамъ не хотїли. И по Днїстрú скрізь рїзанїна, скрізь пожéжа, скрізь лéментъ несказáнний дїявся. Мїстéчко Бúша, остáтній притúлокъ козакамъ и поспїлству, завзято одь Ляхівъ одбивáлася. Багáто втерáli Ляхї вїська підь Бúшею, вже ї самóго Чарнécького въ

ногу пострілено, вже й ёго жолніре вонтити починають, великого крові розливу жалкують. Тоді Потопцький, Лянцкоронський и Чарнецький, скупивши навкругі всі свої потуги, разомъ зъ усіхъ боківъ на скелі, на мѹри, на парканн полізли и сілѹ сілою почали перемогати. Бачять Бушане погібель, кинулись хати и оселі свої запалювати и самі себе почали губити, щобъ на поталу ворогамъ не достатись. Жінки самі порохи підпалювали и въ пороховому імпеті, що та періна, гінули; а кѹпа жінѹцтва въ камяну печеру залізла, и поти звідти на Ляхівъ зъ самопалівъ грюкала, поки Ляхи рівчакъ зъ гори направили и героїнь тихъ Бушанськихъ перетопіли. Попеломъ Бѹша взялася, и тільки кривава її слава осталась. Нічимъ було й жолнірамъ за свої труді и ранн пожитися. И такъ скрізь люта війна бушувала. Ласкавимъ Лядськимъ универсаламъ люде віри не діймали, на Ляхівъ адомъ дихали, зъ жінками и дітьми на кривавихъ пожаріщахъ бѹючи гинули.

XLVIII.

Тутъ же Ляхи въ Україні надъ селянами й міщанами лютують, а на нихъ одъ півночі лиха година піднімається. Вже давно Хмельницький Шведѹ на тихъ гордихъ панівъ заохочувавъ, подаючи звѣстки про їхъ упадокъ. Ось же теперъ уже Шведи добру годину влѹчили и въ Польшу черезъ море Балтику поринули. Зомліла Польша, городи скрізь королєві Шведському піддавались. Вже й Варшава ёмѹ підклонілася, вже й Краківъ піддався; вже й король Янъ Казиміръ у Німєццину втікъ; вже Шведський король королємъ Польськимъ обізвѹвався. Великі Польскі дѹки, ті горді Вишневецькі, Конєцпольскі, Радзивіли — не казавъ би панство лукаве — почали Шведському королєві присягати, абі свої дѣржави при собі зоставити. А Московський царъ уже и Мінське й Кѹвно позаймавъ, и въ столєчне мѣсто Литѹвське Вильню ввійшовъ, и великимъ Литѹвськимъ княземъ себе звелівъ величати. Хмельницький же зъ бояриномъ Бутурлиномъ пішли тимъ часомъ Червѹну Русь підъ Московського царя нахилати. Червѹна Русь ще въ чотирнадцятому віку Польському королєві підклонілася; пани Ляхи гѹсто въ її займанщини позаймали, ста-

роства въ королѣ повипрощували, до вподоби собі притакувалися, и надъ тубольцями гору взяли. Теперъ козаки зъ Москалями панські маєтки скрізь пліндрували, зъ города Львова окупъ великій взяли, а Люблінъ зрабували и половину ёго надпустошили, Жидівські ўлиці палючи, Жидівське добро жакуючи. Тільки жъ незгода міжъ гетьманомъ и Бутурлиномъ стала; почали вони свої потуги розрізняти, а Орда, помагаючи Ляхамъ, зненацька палітала й шарпала. Москалямъ и геть-то вона въ знаки черезъ ту незгodu вдалася. Ще якъ прийшли послі зъ Москóвськимъ полкомъ присягу одъ козаківъ приймати, вже й тогді козаківъ и міщанъ значнихъ Москалі въ сёрце дё-чимъ уразили. Того боаре не збагнули, що сей людъ звичаївъ Москóвськихъ не знає и цареві по-своёму служити хоче. Отъ же съ того часу й пішла малá йскра таємне міжъ козацтвомъ тліти, а всяка зневага, всяка зачіпка одъ Москалівъ її роздувала и нові біді людямъ готóвила. Уже й Богданъ Хмельницький почавъ по́тай царя про Україну промишляти, зъ Ляхами, съ Татарами, съ Турецькимъ султаномъ листуватися, а царь, того дознаючись, посилавъ боаръ своє царське пересёрдя ёму вичитувати. А тимъ часомъ Польща сяк-такъ противъ Швёда поправи́лась, бо Шведъ, б́вши Лютерскої віри, кинувся католицькі святині жакувати, та й панівъ на́дто вже т́го новими уставами закрудзёвувавъ. Не зв́кли пані́ Ляхі́ королеві́ по́пуску по́пускати, підняли шляхту на нóвого короля́ свого́, почали Швёда ризати и зъ Польщи виругóвувати. Чарнёцький найбільшъ підпіравъ Польску́ силу. Король Янъ Казиміръ до Москóвського царя послі́ шле, Швёда воювати вкúпí закликáє, и царство́ своё ёму після́ себе въ спáдокъ поступáє. Тяжкі́ думки́ гóлову Хмельницького обгортáють, щóбъ Україну Ляхамъ на примі́рті не óддано, въ задáтокъ спільнёго ко́лісь царства́ Польско-Москóвського. И коза́цтво́ почало́ скрізь трівóжитись, и въ поспі́льство пішла́ та жъ пого́ска. Тутъ-то кинувсь Хмельницький собі́ підмóги шукати, и почавъ съ пограни́чними панствами трактувати, щóбъ до остáтку Польщу рúшити. Незабáромъ стали́ зновъ козаки́ зъ Вёнграми й Швёдами по Поль́ші́ грасувати, Польщу до-щёнту руйнувати, паліти, рабувати. Почавъ тоді́ король Янъ Казиміръ жалібніми́ листáми Хмельницького́ благати, послі́ до ёго́ посилáти, договóри писати, гряви́цю Українську́ спільніми́ комисáрами́ значіти, щóбъ уже́ до-

віку Ляхи Україну за свою зємлю не вважали и въ неї зъ своїмъ правомъ Польськимъ не втручалися.

XLIX.

Стала границя міжъ Польщею и Україною 1657 року така́я. Одъ у́стя Дністра́ по Дністру́ вгору до Покуття; одъ Покуття до річки Горині, а, пройшовши Горинню и Припетью до Дніпра́, границя йшла вгору до старого Біхова; одъ Старого Біхова, перехопівшись черезъ Дніпрó, йшла границя річкою Сóжею до її верхів'я, або до Рóславля гóрода, а одъ Рóславля спускалась вона́, старою границею Москóвського царства, до самого Чóрного моря, по той бiкъ Лимáну, а Чóрнимъ моремъ — одъ Дніпра́ до Дністра́. Тимъ часомъ Швéди вийшли съ Польщи своé царство одъ Датчанъ обороняти, а князя Рокóчого зъ Вéнграми віругувавъ съ Польщи Чарнéцький, а Татáре, перестрівши ёго, и зовсімъ звоювали. Хмельницький своїхъ козаківъ заздалегідь одозвавъ на Вкраїну. Вже жъ отседесятий годъ Хмельницький воюе; вже й снаги въ ёго не стае воювати, хитримъ розумомъ на всі сторони роскидати, по походахъ труді великі, жару́, холоду́, голоду́ и всяку нýжду приймати. Упало здоров'я, почавъ на силахъ знемогати и до землі хилитися. Зanedу́жавъ, занепавъ Хмельницький въ своєму гóроді Чигрині, усіхъ полковниківъ, сотниківъ и козаківъ до себе иззивае. На велику раду козацьку підъ руки ёго виводять. Вінъ козаківъ доземнимъ поклóномъ витае; вінъ імъ за честь и шанóбу дякуе; булаву́, бунчу́къ и всі військові клейноди оддае, просьть за ёго животá другого собі гетьмана настановити. Рае вінъ імъ вибрати, або Анто́на Я́дановича Кі́ївського, або Павли́ Тетéрю Пере́яславського, або Марті́на Пушка́ря Полта́вського, а надъ усіхъ Ива́на Виго́вського, писаря свого генерального прекладае, що вінъ усю політику міжнародню знае и змігъ би найкраще надъ козака́ми рейментарювати. Заплакали козаки́, вислухавши гетьманське сло́во; не хотіли ні Я́дановича, ні Тетéри, ні Пушка́ря, ні Виго́вського, а бажали сина Хмельницького, молодого хлопця Юрася́ гетьманомъ настановити. Зрадивъ старий ба́тько, а все жъ козака́мъ одмовляе, що вінъ у мене, ка́же, розумомъ слабéнький, та й тіломъ недугу́е. А ко-

закі: »Ми будемо коло ёго старіхъ людей держати, будуть вони ёго на все добре навчати.« Згодивсь Богданъ Хмельницький на козацьку волю, и, хочъ не любу було старшині козацькій малому хлопцеві підъ реймента підклонітися, та мусили громадську волю вволіти и старого батька засмутити передъ смертю не важились. Помёръ же Богданъ Хмельницький въ городі Чигирині, на Паліі, 27-го іюля, а поховано ёго въ селі Сѹботові. Оставсь Юрась гетьманувати, а надъ Юрасёмъ дорадцями старій батько zostавивъ обозного генерального Носача, Тетерю Переяславського, Пушкаря Полтавського, генерального осаула Ковалевського и суддію генерального Григорія Лісницького.

L.

Годіття намъ тепёръ назадъ озирнутися и навкругі споглянути, якою заставъ Хмельницький Україну и якою покинувъ, бо вже не вернулись прѣдсі літа панування Пільского, якъ усе ще було вповні, незруйноване, непожакowane, що пані державці и дозорці королівськихъ добръ на Україні понадбовували и впорядкували. Зновъ же й те, що Хмельницький після себе покинувъ, не вѣржалось у своєму порядку, бо після ёго великої руйни, котору вінъ панамъ Ляхамъ заподівавъ, почали козаки самі себе руйнувати, одинъ берегъ Дніпра на другий піднімаючись, одинъ полкъ зъ другимъ воюючи, одні козаки цареві Московському радючи, а другі королеві Пільському служачи, або й Турецькому султанові підклоняючись.—Найстарійше въ насъ на Україні право було народне. Якъ побіли та порозганяли Татарі князівъ варягъ, зъ їхъ хижими дружинами, якъ повтікали по чужіхъ сторонахъ, та пущахъ, та нѣтрахъ непрохіднихъ багаті державці, позабіравши зъ собою всю рухомість, якъ осталися на Україні тільки убогі люде, которимъ нічимъ гараздъ було втікати и нічого по гайхъ и нѣтрахъ кріти; то, платючи Орді данину, мусили вони самі міжъ собою про поле, про риболовство, про бортяні ухажі, або пасікі, про спашъ, чи яку шкоду правуватися. Отó жъ сходились вони кўнами, на віче, чи на раду, и середъ кўни, середъ громади поголосний судъ живімъ словомъ судили. Хто й вертався съ панівъ державцівъ на свої держави піс-

ля Татарського бстраху, то знаходивъ уже й райцівъ и речниківъ готовихъ, которі порядокъ усёму селу давали и передъ Татарськимъ баскакомъ чи збірщикомъ за все село становилися. Вернувшись же, мусивъ панъ ласки въ тихъ мужівъ громадськихъ запобігати, бо вже село зъ селомъ черезъ нихъ сходилося и въ обиду себе лихимъ людямъ не попускало. Отъ жъ куди й громади съ тихъ давніхъ давентъ на Україні повелися, а, може, ще й одъ первихъ до-варязькихъ часівъ одригнулися. Вже й Литві почала Україна годувати, вже Литовські княжата, унуки и щадки Гедимінови, великі займища собі на Україні позаймали и меншимъ панамъ, то въ спадокъ, то за службу подавали, а куди й громади сільські своє право при собі здержували, лихихъ державцівъ спільною силою гамували, лякали, або й на судъ у своє судне колесо позивали. *Громада* — великий чоловікъ, съ того-то часу се прислів'я пішло. Отъ же такі помалу-малу почали панове державці зновъ у свої руки судъ громадський брати. Спершу вони передъ попомъ, при мужахъ громадськихъ, людські справи розбірали, а далі вже й самі народъ сільський судили. Найшлися такі, що людямъ и збиратися кудами чи громадами не дозволяли, зъ своїми надвірними слугами селянъ розганяли и въ хурдигу речниківъ громадськихъ сажали. Якъ жé побраталися изъ Польськими державцями, которі здавна вміли собі одъ короля княже право вимогти, то й собі королівський привилей набули, щобъ своїхъ слугъ и підданихъ, не то пенєю, визеннямъ, чи київимъ боємъ, та й самою смертю карати.

II.

Такъ воно тоді велося, що вся земля здавна княжою, а потімъ королівською звалася, то, поставлявши король надъ нею одъ себе намісниківъ и дозорцівъ, дававъ їмъ своє владичне право — кому треба, й голову одтяти. Хто жъ бувъ державець зъ діда-прадіда, то той, зъ ласки свого пана, князя, чи короля, изъ роду въ рідъ землю державъ, а державши не мусивъ нижчимъ одъ перемінного коронного намісника бути; тимъ-то и княжого права панове державці въ короля допевнялися. Якъ почали жъ городи зпідъ руїни Татарської вставати, почали й городами або коронні

дозорці, або доживотні и потóмні державці орудувати. Въ городáхъ же людѣ багатшій почавъ осідати и правомъ міськимъ щититися. А те міське право було те жъ право громадське, що кўнамн люде збірãлися, тїлько що вже тутъ люде тїснїйше одїнь поузь однóго осїдали, безпечнїйше за вãломъ и палїсадомъ одъ на́ходу ворогївъ сидїли, бїльше корїсти торгомъ, чи ремєствомъ добували, то вкўпї й боронїтись одъ лихóго чоловїка бїльше здолали. Отъ и вїйшло право міське, чи городове, се бѣ то звичãї життã мїщãнського, котóрихъ старї гóлови держãлися та й молодшимъ передавали, а пóслї вже въ королїя уставнї грãмоти випрошувати, щобъ король обїщавъ, якъ то пїсано, «стариннї не рўшити, а новиннї не вводити». Въ тихъ ужé грãмотахъ все прописувалось, якїй одбўтокъ міський чоловїкъ, чи мїщанинъ, повиненъ мїсту одбувати, якў подати у скарбóвню міську складати, якў данїну одъ усякого дїму платити, якї пóплатки зъ землї, зъ двора, съ крамїи́ці давати и якъ помїжъ собою громадськимъ судомъ правувãтися. Торгуючи зъ Нїмецькими людьми и городãми, на́ши городї и собї одъ Нїмцївъ спóсобоъ переймали, якъ одъ пãнської крївди и утїску оборонїтися. Котóрї булї багатшї городї, тї собї въ королївъ Нїмецьке городове право, складаючи гостїнецъ, випрошували. Магдебўрськимъ се право звãно. Въ такї городї нїякий панъ, нї староста и нїякий урядникъ коронний не втручався, бо король такї городї привилєемъ своїмъ вїзволявъ одъ усїхъ пãнськихъ судївъ, одъ усїхъ воеводськихъ и старостяньськихъ мóцей. Въ такихъ городáхъ жовнїре постóемъ не стояли; на войнў мїщãне съ такихъ городївъ не ходїли, окрїчъ хибã король «своєю головою потягне», пїдвóдъ у вїйсько не давали, мїта й прóмита не платїли, свїй скарбъ особнїй мãли и съ того скãрбу для городської оборони вїйсько своє держали. Судъ бувъ у городáхъ Магдебўрськихъ вєрхнїй бурмїстерський у магїстратї (тамъ бурмїстеръ засїдавъ зъ рãйцями) и нїжчий вїйтовський у рãтуши (тутъ вїйтъ сидївъ зъ лавникãми), и щó рãйці зъ бурмїстромъ поставляли, те лавникї зъ вїйтомъ викóнували. Въ давнїй Україні на Магдебўрському правї булї городї: Брацлавъ, Вїнниця, Черкасї, Василькївъ, Овручъ, Кїївъ, Переяславъ, Остеръ, Нїжень, Чернїгївъ, Погãръ, Мглинъ, Козелець, Нówгородъ-Сїверський и Стáродубъ. Котóрї жъ городї и не добулї собї Магдебўрського права и мўсли свогó державця або старости слўхати, то й тї, на-

взірть значнихъ городівъ, у своїхъ громадахъ порядкувалися, свого війта обірали и лавниківъ изміждо себе оглашали. Та й по селахъ той же самий звичай тоді всюди повівся, тільки що сільський війтъ противъ городського мѣншу повагу мавъ. Все ремѣство, всякий торгъ тоді спільнимъ товариствомъ люде одбували, щобъ одінь одному супротивъ безправья помагати, одному за одного заступатися и товариша въ обіду не пускати. Браталися міжъ собою шевці, кравці, ковалі, кушнірі, и всяке ремѣство свій цехъ особний мавъ, свій особний короговъ у церкві ставило, свого особного райцю або лавника у спільну раду посиляло, а всі братства, чи цехи, вкупі противъ суднієй кривди стояли, одъ жовнірства оборонялись, до воєводъ, до королівъ супілки посиляли, а якъ коли, то й боємъ себе одъ напасти обороняли. Якъ жѣ не стало й міжъ духовними людьми порядку ставати, тоді почали церковні братства по городахъ и селахъ заводитись, щобъ віра давня въ народі, черезъ недбалість попівську, не забувалася та щобъ миряне, не знавши доброї церковної науки, у Латинство черезъ унію не переходили, та й щобъ уніти съ католиками спіломіць людѣй простихъ до папи Римського не нахиляли. У церковні братства всякого стану люде и прости й папи вписувались, вступного по шість грішей на братські потреби платили и подачку одъ часу до часу въ братську скарбівню клали. Коли братъ брата словомъ зневаживъ, чи діломъ обидивъ, вони судомъ братськимъ, а не якимъ иншимъ судилися, виноватий пеню чи вину плативъ, на дзвіниці сидівъ и прилюдне брата перепрошувавъ, папську, чи яку бъ ні було, свою гордіню смиряючи. Хто живъ не по закону Божому, чи мирянинъ, чи цінъ и єпископъ, чи простиі чоловікъ, чи панъ, того середъ братського собору словами картали и одъ братства одлучали. Такъ въ речі посполитій Польській народъ Український самъ себе скілько змігъ оборонявъ, на правоті державъ и про старосвітську віру громадськимъ розумомъ піклувався.

II.

Сей-то звичай — добримъ зъ добримъ, правимъ съ правимъ брататися и вкупі противъ ворогівъ стояти одригнувъ и за По-

рогами, якъ назбиралась туди купа людей чимала изъ усякіхъ збігівъ, которі воеводської, старостянської, жовнірської, або панської-державської нахаби не стерпівши, въ дікі степі безлюдні зъ городівъ и зъ сілъ посходили. Вони міжъ собою Низове братство устали и кошового отамана замість вѣйта, а курінне отамання за бурмістрівъ и райцівъ собі мали; вони тисячами, якъ одна сім'я, пробували и, мовлявъ, ради душі спасіння, на невірнихъ ходили, частину здобичи походиї на церкви подавали, другу на похоронъ одкладавали, а остатокъ зъ добримъ людми пропивали й проїдали. Вони *братчиками, товариствомъ* себе величали. Вони спершу въ городі тільки торгомъ ходили, рибу зъ Нїзу Днїпра возили, а посли почали й самі по городяхъ осідати и міщанськимъ робомъ жити, військовихъ звичаївъ и волі не покидаючи. Вони жъ то міщанъ добре й противъ панської чи жовнірської кривди підпірали и бучи зъ людомъ ору́жнимъ заводили, що й воеводи й старости и жовніре проходячі й консистуючі на їхъ озиралися и їхъ найбільшъ опасувались. Тимъ-то й панове урядники й дозорці коронні козаківъ, що тихъ, мовлявъ, ужівъ, зненавиділи и більшъ, ніжъ на поспільство, на нихъ налягали: не вважаючи на їхъ службу військову, до панщини їхъ потягали, по замкахъ їхъ до всякої послуги держали, зъ листами по городяхъ ганяли, до коней старостянськихъ приставляли, дворі змїтати, груби топїти змушали и всякі їмъ наруги й кривди чинили. Якъ же не стали козаківъ коронні гетьманове ще й на море за здобиччю воєнною пускати, тоді почали козакі й міщанъ та й поспільство до спільної війни на панівъ підохочувати. Міщане до козащини, мабуть, добре торговали, бо знаємо, що їмъ права Магдебурські королі за великі гроши давали, а войтами до нихъ самі воеводи ви́рошувались, и великі пані, живучі въ городяхъ, міські одбутки за свої дворі одбували. Тимъ-то й звадливо було городянамъ розкішнимъ Жидівські орєнди терпіти, що ні горілки, ні меду, ні пива не вільно було въ своєму домі держати; тимъ-то тяжко було и одъ жовнірства зневагу й здірство за стації, або одъ панства всякі кривди й нахаби переносити. Тимъ вони й брались охочо козакамъ харчами, припасомъ и рúчими паробками помагати. Якъ же піднялися братства церковні своєю прѣдсю віру одъ уні наукою церковною, книжками друкóваними та школами братськими боро-

нити, тоді козаків міщане коштом своїм, яко воїнство Христове, споружали и, вкупі съ попами, на війну за віру благословляли. — Що до поспільства сільского, то вонό бѣ то (каже нашъ літописецъ) жилó—хочъ, певно, не у всякого пана — «обфито въ збѣжахъ, въ бѣдлахъ, въ пасікахъ», тільки що великі вимисли почали панове старѣсти, державські намісники и Жиді оравдари вимисляти. Самі бо дѣки державці не жили на Україні, тільки урядъ держали и про кривди посполитихъ людей мало знали, хочъ же ї довідувались, такъ гостінцями одъ своїхъ дозорцівъ и Жидів засліплювались, не розуміючи, що їхъ же, мовлявъ, сáломъ по їхъ же шкурі ї мажуть, обідравши їхъ підданихъ, та їмъ же дарують. Колибъ самъ панъ узявъ съ підданого, то не такъ би булó підданому ї жалко, ато, мовлявъ, ледáча Жидовá богатітця, по два, по три цугі коней справляе, вимисляючи великні чинши, поволóвщини, дѣди, осіни, мірочки сухі, плату зъ жорнівъ, та ще убогого селянина ї словами зневажаючи и панамъ на ёго наговóрюючи. Отъ сѣго-то селяне не стѣрили, по́часту въ козакі на Низъ одъ Жидівської ї панської нахаби утікали, а опісля до козаків и цілими сѣлами вже прихилилися.

LIII.

Вонό-то правда, що въ рѣчи посполитій Польській часами тяжко городáмъ и сѣламъ, міщанамъ и селянамъ, попамъ и мирянамъ жити приходилось; вонό правда, що пані ніякого війну собі не знали и що-хотя зъ убогимъ людомъ чинили; правда, що вбо́гому зъ багатимъ шкода булó судомъ правувáтися; що великі панове и на сѣймахъ, маючи за собою поплічниківъ, чого хотіли доказували, а бувáли такі міжъ панами розби́шаки, що, черезъ їхъ наїзди та розбѣи, шляхі бурьянами заростáли: а все жъ бо такі, поглянувши на життя людське огуломъ, трѣба забу́ту правду виявити, що «поки, якъ-то співають, були на Україні пані въ ладівніцяхъ, то въ мужиківъ пироги лежали на поліцяхъ; якъ же почали швѣндяти по Україні козакі съ порохóвими рога́ми, залягли скрізь степі и поля облогáми». Торги по городáхъ були въ давнішихъ часахъ безпечні, и черезъ Кіівъ що-

року переходили великі каравани кіньми, волами и верблюдами, везучи въ Московське царство, въ Швецію й Данію всяке добро зъ Малой Азії, Персії, Індії, Арабії, Сирії. Бувало такъ, що шовкъ у Київі йшовъ урівень зъ лёномъ, а перецъ — дешёвше одъ соли. Якъ же піднялась козацька руїна, городи одинъ за однимъ до тла горіли и пустіли, а крамарство по іншихъ земляхъ розбігалось. »Ой я, каже, свій крамъ у коробку склавъ, козакамъ пятами накивавъ.« Се-то, глузуючи зъ Жидові, виспівували такъ за Хмельницького кобзарі, а воно й правда була, що ятки и крамні коморі въ козацьку руїну скрізь попіломъ лежали, або пустізною стояли. Ще за Наливайка зложено пісню: »Ой въ городі Могилеві та сталося пусто, якъ повіяли козаченьки зъ самопалівъ густо.« Спустивъ же такъ одъ козацькихъ самопалівъ и Київъ, и Брацлавъ, и всі Магдебурьскі й не-Магдебурьскі городи по Україні. Погоріли не то що крамниці зъ шовками и Турецькими габами, та й школи, которі братства церковні своїмъ коштомъ споружали; погоріли друкарні, въ которихъ вільно було що хоті друкувати и не то лукаву унію, та й самого пана Римського зъ його прелатами якъ хоті перепірати; поросходились по чужихъ земляхъ, повмірали въ походахъ, бояхъ, пожарахъ и гнилихъ хоробахъ військовихъ учені люде, которі съ чужихъ сторінъ до насъ науки вольні пересажували, та й самі хроніки козацькі, въ которихъ криваві подвиги, мовлявъ, за віру Християнську позаписувані, и те все въ людській крові потонуло и засипано десь попеломъ на пожарищахъ; и та химерна оповідь про козацьке лицарство необачне не вся дійшла до нашихъ рукъ за самими жъ козаками. Які були суди и трибунали, все козацька руїна, мовъ лютий вихоръ, позносила; які були права и судові звичаї, все підъ ту страшенну заверуху позабувалось. Не багато людей письменнихъ на Україні zostалося. Полковники та сотники вміли тільки криваву шаблю въ рукахъ держати и шаблею права по городахъ и селахъ писати, шаблею землі поміжъ себе ділити и одинъ одному межъ гостримъ залізомъ значити. Справді бо, якъ повтікали всі державці зъ України, окрічтихъ, которі підъ козацьке право воєнне підклонилися, почали тоді полковники та сотники покрівавлену и збору копитами землю поміжъ себе паювати. То були воєводства, а въ воєводствахъ повіти, а въ повітахъ королівські староства, чи маєтності,

пóручъ зъ маётками державцівъ, панівъ Українськихъ, ато вже осягли й позаймали козаки всі зéмлі по Вкраїні підъ полки, а въ полкахъ підъ сотні, а въ сотняхъ підъ свої хуторі, двори, пастовники чи левáди, а котóra землѣ козакамъ не згодїлася и до цёркви чи до монастиря не тягну́ла, съ тихъ зéмелъ подáтки до скáрбу царськóго брали и, вкúпи зъ городськими по́платками, воеводамъ на царські потребизни оддавали. Не знесли козаки безпáвля рéчи посполітої; за пpáво, за вóлю своєю на Ляхівъ підняліся. Побáчимо жъ изъ *Вишвицини*, зъ *Бруховéччини*, зъ *Попóвичівщини* й *Мазéнищини*, якъ вони тимъ пpáвомъ и тою закpівáвленою вóлею своєю користувались.

II. Кулішъ.

30 декабря, 1860.

С. Петербургъ.